

A knight on a dark horse is silhouetted against a bright light source in a snowy, misty landscape. In the background, a castle sits atop a hill. The scene is filled with falling snow and a blue-tinted sky.

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

КОРОЛЬ ЗИМЫ

Сага о короле Артуре

Бернард Корнуэлл

Король зимы

«Азбука-Аттикус»

1995

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корнуэлл Б.

Король зимы / Б. Корнуэлл — «Азбука-Аттикус», 1995 — (Сага о короле Артуре)

ISBN 978-5-389-13472-0

О короле Артуре, непобедимом вожде бриттов, на Туманном Альбионе было сложено немало героических баллад. Он успешно противостоял завоевателям-саксам, учредил рыцарский орден Круглого стола, за которым все были равны между собой. По легенде, воинской удачей Артур был обязан волшебному мечу — подарку чародея Мерлина, жреца кельтских друидов... И пусть историческая правда погребена в той давней эпохе больших перемен, великого переселения народов и стремительно зарождающихся и исчезающих царств, завеса прошлого приоткрывается перед нами силой писательского таланта Бернарда Корнуэлла. Южной Британии в VI столетии грозило вторжение германских варваров. Артур, незаконный сын верховного короля, некогда изгнанный отцом за море, возвращается на раздираемую междоусобицами родину, которая перед лицом многочисленных врагов нуждается в союзе мелких королевств. Его может скрепить политический брак Артура с принцессой Кайнвин, но судьба распорядится иначе... Первый роман из трилогии о легендарном короле-полководце Артуре, проникнутый духом подлинной Истории.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13472-0

© Корнуэлл Б., 1995
© Азбука-Аттикус, 1995

Содержание

Часть первая. Дитя зимы	11
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	39
Часть вторая. Принцесса-невеста	50
Глава 5	50
Глава 6	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Бернард Корнуэлл Король Зимы

Bernard Cornwell
The Winter King

© 1995 by Bernard Cornwell

© Л. Яхнин, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

* * *

«Король Зимы» – Джуди с любовью

Действующие лица

- Агрикола* – гвентский полководец, который служит королю Тевдрику.
Амхар – незаконный сын Артура.
Анна – сестра Артура, замужем за королем Будиком Броселиандским.
Артур – незаконный сын Утера и защитник Мордреда.
Бализ – древний друид Думнонии.
Бан – король Беноика, отец Ланселота и Галахада.
Бедвин – епископ Думнонии, главный советник короля.
Блайддиг – вождь Беноика.
Борс – защитник Беноика.
Брохваэль – король Повиса в послеартуровское время.
Валерин – вождь Повиса, помолвленный с Гвиневерой.
Галахад – принц Беноика, брат Ланселота.
Гвендолен – изгнанная жена Мерлина.
Гвилиддин – плотник Инис-Видрина.
Гвиневера – принцесса Хенис-Вирена.
Герайнт – зависимый принц Думнонии, Хозяин Камней.
Горфиддид – король Повиса, отец Кунегласа и Кайнвин.
Гриффид ап Аннан – капитан войска Овейна.
Гудован – писец Мерлина.
Гундлеус – король Силурии.
Дафидд ап Грусфуд – переводчик истории Дерфеля.
Дерфель Кадарн – рассказчик, сакс, опекаемый Мерлином, воин Артура.
Диурнах – ирландский король Ллейна. (Эта страна раньше называлась Хенис-Вирен.)
Дриудан – карлик, начальник стражи Мерлина.
Игрейна – королева Повиса, жена Брохваэля.
Игрейна Гвинеддская – мать Артура, а также Морганы, Анны и Моргаузы.
Иорвет – друид из Повиса.
Исса – один из копыеносцев Дерфеля.
Кадваллон – король Гвинедда.
Кадви – зависимый король Думнонии, охраняющий границу с Керновом.
Кай – друг детства Артура, теперь один из его воинов.
Кайнвин – принцесса Повиса, сестра Кунегласа, дочь Горфиддида.
Каледдин – давно умерший друид, рукопись которого ищет Мерлин.
Кельвин – священник, работающий в библиотеке Инис-Требса.
Кердик – король саксов.
Кулух – двоюродный брат Артура, один из его воинов.
Кунеглас – наследный принц Повиса, сын Горфиддида.
Каван – заместитель Дерфеля.
Ланваль – заместитель Артура, начальник телохранителей Гвиневеры.
Ланселот – наследный принц Беноика, сын короля Бана.
Леодеган – пленный король Хенис-Вирена, отец Гвиневеры.
Ливеллин – служащий в сокровищнице Думнонии.
Лигессак – первый начальник телохранителей Мордреда, который служит Гундлеусу.
Линет – любовница Дерфеля, позднее служанка Гвиневеры.
Лливарх – второй начальник телохранителей Мордреда.

Лохольт – незаконный сын Артура, близнец Амхара.
Лэдвис – любовница Гундлеуса.
Маэльгвин – монах в Динневраке.
Марк – король Кернова, отец Тристана.
Мелвас – король Белга, зависим от Думнонии.
Мерлин – правитель Авалона, друид.
Моргана – сестра Артура, одна из жриц Мерлина.
Моргауза – сестра Артура, жена Лота Лотианского.
Мордред – король-ребенок Думнонии, Король Зимы.
Морфанс – один из воинов Артура, прозванный Уродливым.
Мэуриг – наследный принц Гвента, сын Тевдрика.
Набур – христианский судья в Дурноварии, узаконенный охранник Мордреда.
Нимузэ – любовница Мерлина, жрица.
Норвенна – невестка Утера, мать Мордреда.
Овейн – великий воин Утера, военачальник Думнонии.
Пеллинор – сумасшедший король Инис-Видрина.
Ралла – жена Гвилиддина, кормилица Мордреда.
Саграмор – нумидиец, командир войска Артура.
Сарлинна – девочка, выжившая во время резни в Дартмуре.
Себила – сакская рабыня Морганы.
Сэнсам – христианский священник и епископ, настоятель монастыря в Динневраке.
Танабурс – друид Силурии.
Тевдрик – король Гвента.
Тристан – наследный принц Кернова.
Тудвал – монах-послушник в Динневраке.
Утер – король Думнонии, верховный король Британии, пендрагон¹.
Хеллед – принцесса Элмета, жена Кунегласа.
Хигвидд – слуга Артура.
Хьюэл – управляющий Мерлина.
Эйллеани – любовница Артура, мать его сыновей-близнецов Амхара и Лохольта.
Элейна – королева Беноика, мать Ланселота.
Элла – король саксов.
Энгус Макайрем – ирландский король Деметии, король черных щитов.

Место действия

*Абона** – Эйвонмут, Эйвон.
*Аква-Сулис** – Бат, Эйвон.
*Браногениум** – римская крепость, Лейнтвардин, Херефорд и Вустер.
*Бурриум** – столица Тевдрика. Уск, Гвент.
*Вента** – Винчестер, Гемпшир.
*Глевум** – Глостер.
Динневрак – монастырь в Повисе.
*Дурновария** – Дорчестер, Дорсет.
*Дурокобривис** – Данстейбл, Бедфордшир.
*Инис-Веир** – остров Ланди.

¹ Это слово обычно употребляется как имя собственное короля Утера, но на самом деле это титул («главный дракон») ряда кельтских королей.

*Инис-Видрин** – Гластонбери, Сомерсет.

*Инис-Мон** – Англи.

*Инис-Требс** – столица Беноика, Мон-Сен-Мишель, Франция.

*Иска** – Эксетер, Девон.

*Кар-Долфорвин** – королевский холм Повиса около Ньютона, Повис.

Кар-Кадарн – королевский холм Думнонии, Саут-Кэдбери-Хилл, Сомерсет.

Кар-Лад – Ладлоу, Шропшир.

Кар-Маэс – Уайтшит-Хилл, Мер, Уилтшир.

*Кар-Свос** – столица Горфиддида, Карсвос, Повис.

*Каллева** – приграничная крепость, Силчестер, Гемпшир.

*Камни** – Стоунхендж.

*Коринциум** – Сайренчестер, Глостершир.

*Коэл-Хилл** – холм Коэла, Херефорд и Вустер.

*Кунето** – Милденхолл, Уилтшир.

*Линдинис** – римский город, Илчестер, Сомерсет.

*Луэгг-Вейл** – Мортимерс-Кросс, Херефорд и Вустер.

*Магнис** – римский форт, Кенчестер, Херефорд и Вустер.

*Май-Дан** – Мейден-Касл, Дорчестер, Дорсет.

*Остров Смерти** – Портланд-Билл, Дорсет.

*Ратэ** – Лестер.

* Названия мест, отмеченные звездочкой, упоминаются в исторических хрониках.

Часть первая. Дитя зимы

Глава 1

И было это в стране, которая звалась Британией. Епископ Сэнсам, благословенный среди всех святых, живых и почивших, твердит, что сии воспоминания должны быть низринуты в бездонную яму со всеми остальными мерзостями павшего человечества, ибо повествование это о канунах того несчастного времени, когда великая тьма затмила свет нашего Господа Иисуса Христа. Но это жизнь той земли, которую мы называем Ллогр, что означает «потерянные земли», история той страны, которая когда-то была нашей, но которую ныне наши враги называют Англией. Это повесть об Артуре, Полководце, Короле, которого никогда не было, Враге Божьем и, да простят меня Всевышний и епископ Сэнсам, о лучшем из всех, кого я знал в своей жизни. И о том, как мне пришлось оплакивать Артура.

Сегодня холодно. Над мертвенно-бледными холмами нависают сизые облака. Еще до наступления темноты пойдет снег, но Сэнсам наверняка откажет нам в благословенном тепле. Умерщвление плоти – удел святых. Я, конечно, стар теперь, однако Сэнсам – пусть Господь продлит его дни – все же старше, поэтому я не могу, ссылаясь на свой почтенный возраст, без позволения отпереть дровяной амбар. Я знаю, Сэнсам скажет, что наши страдания лишь малая толика тех, что претерпел Господь, и потому мы, шестеро братьев, вынуждены будем спать вполглаза и дрожать от холода, а к утру колодец замерзнет, и брату Маэльгвину придется спускаться в сруб по цепи и разбивать ледяную корку камнем, и только после этого мы сможем напиться.

И все же холод не самая худшая напасть в эту зиму – обледенелые тропы не позволят Игрейне добраться до монастыря. Игрейна – наша королева, супруга короля Брехваэля. Она смуглая и хрупкая, очень юная и неуловимо быстрая, словно солнечный луч в зимний день. Игрейна приходит сюда молиться о том, чтобы ей был дарован сын, но больше времени отдает беседам со мной, чем молитвам, обращенным к Божией Матери и ее благословенному Сыну. Она разговаривает со мной, потому что любит слушать истории об Артуре, и прошлым летом я поведал ей все, что мог вспомнить, а когда не сумел припомнить больше ничего, она принесла мне стопку пергаментных листов, сделанную из рога чернильницы и пучок гусиных перьев. На шлеме Артура тоже были гусиные перья. Эти перья для письма не так велики, не так белы, но вчера я вознес пучок перьев к зимнему небу и на какое-то восхитительно-кошунственное мгновение мне показалось, что под этим венцом из перьев я вижу его лицо. И в то же мгновение дракон и медведь рыком своим потрясли Британию, дабы ужаснуть безбожников с их языческими видениями, а я чихнул и увидел лишь зажатые в кулаке жалкие, едва пригодные для письма перья в ржавых пятнах засохшего гусиного помета. Чернила столь же плохи: просто черная жижа, смесь ламповой сажи и смолы яблони. Правда, пергаменты получше. Они выделаны из шкур ягнят еще древними римлянами и когда-то были покрыты письменами, которые никто из нас прочесть не мог, а женщины Игрейны отлично отскоблили эти шкуры и сделали их снова чистыми и годными для письма. Сэнсам ворчит, мол, было бы лучше, если бы из них сшили башмаки, но выскобленные древние шкуры слишком тонки, их нельзя тачать и латать, к тому же Сэнсам не осмелится обижать Игрейну, ибо таким образом он может потерять дружбу короля Брехваэля. Этот монастырь находится в полудне ходьбы от вражеских копьеносцев, и даже наша жалкая твердыня может соблазнить этих супостатов, понудить их перейти Черную реку, двинуться вверх к холмам и легко достичь долины Динневрак, если только войнам Брехваэля не будет приказано защищать нас. И все же мне кажется, даже желанная благосклонность Брехваэля не сможет примирить Сэнсама с мыслью, что брат Дерфель пишет жизнь

Артура, Врага Божьего, и потому нам с Игрейной приходится лгать благословенному святому и толковать ему, будто я перевожу Евангелие Господа нашего Иисуса Христа на язык саксов. Благословенный святой не говорит на языке врагов и читать на нем тоже не умеет, поэтому мы сможем обманывать его достаточно долго, столько, сколько потребуется, чтобы написать эту историю.

А изворачиваться придется, и не раз, ибо прошло совсем немного времени с тех пор, как я начал писать на этих шкурах, а святой Сэнсам наведлся ко мне в келью. Он встал у окна, вглядываясь в бледное небо и потирая свои иссохшие руки.

– Люблю холод, – сказал он, зная, что я-то холода не выношу.

– Больше всего он дает себя знать моей потерянной руке, – ответил я кротко.

У меня нет кисти левой руки, и вместо запястья лишь узловатый обрубок, которым я расправляю и прижимаю пергаментный свиток во время писания.

– Любая боль – лишь благое напоминание о крестных муках нашего дорогого Господа.

Других слов от епископа я и не ожидал, а он склонился над столом, взирая на то, что я пишу.

– Скажи мне, что говорят эти значки, Дерфель, – потребовал он.

– Я пишу историю рождения младенца Христа, – тут же солгал я.

Он подозрительно уставился на пергамент, затем ткнул грязным ногтем в свое собственное имя. Некоторые буквы он все же мог разобрать, а его имя, должно быть, бросалось в глаза, как черный ворон на белом снегу. Потом он тоненько захихикал, будто злобный мальчишка, и намотал клок моих седых волос на палец.

– Я не присутствовал при рождении нашего Господа, Дерфель, и все же это мое имя здесь. Ты творишь ересь, исчадие ада?

– Господин, – смиренно пробубнил я, пока он тыкал лицом моим в мое писание, – я начал запись Евангелия с того, что милостью нашего Господа Иисуса Христа и с позволения одного из Его самых праведных святых, благословенного Сэнсама, – и тут я постепенно стал продвигать палец к его имени, – смог я занести на пергамент добрую весть о явлении в наш мир Сына Божьего.

Он потянул палец, выдрал несколько волосков из моей головы и снова отошел к окну.

– Ты – отродье саксонской блудницы, – сказал он, уходя, – а ни одному саксу никогда нельзя доверять. Будь осторожен, сакс, не раздражай меня.

– Милостивый господин, – отвечивал я ему.

Но он даже не остановился, чтобы выслушать меня. А было время, когда он предо мной преклонял колени и целовал мой меч. Но теперь он святой, а я – ничто, всего-навсего самый жалкий из всех грешников. К тому же продрогший грешник, потому что света за нашими стенами мало, кругом серо и мрачно. Очень скоро выпадет первый снег.

И был снег, когда началась история Артура. Это было целую жизнь назад, в последний год правления верховного короля Утера. Этот год, по исчислению римлян, считался 1233-м со дня основания их города, хотя мы в Британии обычно ведем начало лет от Черного года, того самого, когда римляне порубили друидов на Инис-Моне. По этому исчислению история Артура начинается в 420 году. Правда, Сэнсам, пусть Бог благословит его, числит наше время от мига рождения нашего Господа Иисуса Христа, которое, считает он, произошло за 480 зим до того, как приключилось все, о чем я поведаю. Но как бы ни считать годы, случилось это давно, в незапамятные времена, на земле, которая звалась Британией, я был там в то время. И вот как это было.

* * *

История началась с рождения.

Холодная ночь. Королевство застыло в неверном свете бледной луны.

В зале кричала Норвенна.

Кричала и кричала.

Пробило полночь. Небо было ясным, сухим и блестящим от звезд. Земля промерзла и казалась крепче железа, реки ее были намертво схвачены льдом. Бледная луна – плохое предзнаменование, в ее зловещем свете протяженные западные земли словно обмерли в холодном мерцании. И три дня свет не струился с мрачного неба, не было и оттепели, весь мир лежал в белом безмолвии, кроме деревьев, с которых ветер сдул снег, – они зловеще чернели на фоне укрытой белым саваном земли. Наше дыхание превращалось в пар, но не отрывалось от уст, не отлетало в сторону, потому что безветрие стояло в ту ясную полночь. Земля казалась мертвой, застывшей и неподвижной, будто оставлена была Беленосом, богом солнца, и обречена вечно плыть в бесконечной холодной пустоте между мирами. И был холод, пронизывающий, мертвящий холод. Длинные сосульки свисали с карнизов большого зала Кар-Кадарна и с выгнутых аркой ворот, в которые днем, преодолевая нанесенные зимой высокие сугробы, свита верховного короля доставила принцессу – в это святилище наших правителей. Кар-Кадарн стоял на том месте, где хранился королевский камень; и это вместилище шумных собраний должно было по настоянию верховного короля стать тем единственным местом, где родится его наследник.

Норвенна закричала вновь.

Я никогда не видел рождения ребенка и никогда уже по воле Бога не увижу. Мне довелось видеть жеребенка, появившегося из чрева кобылы. Я наблюдал, как выскальзывают на свет телята, слышал тихий скулеж щенящейся суки и присутствовал при корчах рожающей кошки, но не дано мне было видеть кровь и слизь, которые неизбежно сопровождают предродовые крики женщины. А как кричала Норвенна! Хотя и старалась сдерживаться, как утверждали после женщины. Иногда пронзительные вопли умолкали, и тишина зависала над всей твердыней, и верховный король высвобождал свою тяжелую голову из густого меха и прислушивался так внимательно, словно он затаился в зарослях, а саксы совсем близко. На самом деле он вслушивался в безмолвие и надеялся, что внезапная тишина означает момент рождения и королевство вновь получит желанного наследника. Он прислушивался, и мы улавливали тяжелые хрипы, прерывистое дыхание его невестки, а потом донеслось слабое жалобное похныкивание, и верховный король оживился, будто собрался сказать что-то, но крики снова разорвали тишину, и голова его вновь утонула в меху, лишь глаза беспокойно сверкали из-под надвинутого капюшона.

– Вы не должны быть здесь, на крепостном валу, верховный владыка, – сказал епископ Бедвин.

Утер махнул рукой в перчатке, будто позволяя Бедвину спуститься во внутренний двор, туда, где пылают костры, но сам он, верховный король, Утер, пендрагон Британии, не двинется с места. Он желал оставаться на крепостном валу Кар-Кадарна, откуда мог бы взирать на закованную льдом землю и вглядываться в серое туманное пространство, где таятся демоны, и все же Бедвин прав: верховный король не должен стоять на часах, охраняя твердыню от демонов в эту тяжкую ночь. Утер был старым и больным, однако, несмотря ни на что, безопасность королевства зависела от этого обрюзгшего, немощного тела, от его медленного, угасающего разума. Всего лишь шесть месяцев назад он был крепким и бодрым, но вдруг обрушилось на него известие о смерти наследника. Мордред – самый любимый из его сыновей и единственный, кто испытывал настоящее чувство к невестке короля, своей нареченной, был сражен широким саксонским топориком и истек кровью под холмом Белой Лошади. Эта смерть оставила королевство без наследника. А королевство без наследника – проклятое королевство, но этой ночью по воле Бога вдова Мордреда родит наследника королю Утеру. Только бы это не была девочка, тогда все страдания и боль окажутся напрасными, а королевство будет обречено.

Большая голова Утера вновь высунулась из капюшона, покрытого коркой льда там, где дыхание короля касалось меха.

– Сделано все, что должно, Бедвин? – спросил Утер.

– Все, верховный владыка, все, – сказал епископ Бедвин.

Он был самым доверенным советником короля и так же, как принцесса Норвенна, – христианином. Норвенна, протестуя против того, что забирают ее из теплой римской виллы в соседнем Линдинисе, кричала в лицо свекру, что отправится в Кар-Кадарн только в том случае, если он пообещает близко не подпускать к ней ведьм, что поклоняются старым богам. Она настояла на христианских родах, и Утер, отчаянно жаждавший наследника, согласился. Теперь священники Бедвина пели свои молитвы в комнате рядом с залом, где была разбрызгана святая вода, над кроватью Норвенны висел крест, а другой положили под рожицу.

– Мы молимся благословенной Деве Марии, – объяснил Бедвин, – которая, не опорочив своего девственного тела соитием, стала святой матерью Христа и...

– Довольно! – прорычал Утер.

Верховный король не был христианином и не терпел тех, кто пытался обратить его в эту веру, хотя допускал, что христианский Бог может быть не менее могучим, чем большинство других божеств. Однако события этой ночи подвергли его терпимость непосильным испытаниям.

Именно поэтому я и находился здесь. Тогда я был почти ребенком, отроком на пороге возмужания, безбородым мальчишкой на посылках. Я весь продрог и припал к земле рядом с креслом короля на крепостном валу Кар-Кадарна. Я прибыл из Инис-Видрина, усадьбы Мерлина, что лежала у северного горизонта. Мне было поручено, коли прикажут, пойти и привести Моргану и ее помощниц, ожидавших в грязной лачуге свинопаса у подножия западного вала Кар-Кадарна. Принцесса Норвенна могла призвать хоть Деву Марию в повивальные бабки, это ее дело, но Утер готов был обратиться к помощи своих, старых богов, если этот новый обманет его ожидания.

И христианский Бог оказался бессилён. Крики Норвенны утихали, зато стоны и бессильный плач становились все продолжительнее. Наконец из зала вышла жена епископа Бедвина и, дрожа, опустилась на колени пред стулом верховного короля. Младенец, пролепетала Эллин, не появляется, а мать, опасается она, умирает. Утер отмахнулся от последних ее слов. Мать – ничто, важен был только ребенок, и лишь в том случае, если это мальчик.

– Верховный владыка... – прошептала Эллин, но Утер больше не слушал.

Он постучал по моей голове.

– Ступай, мальчик, – сказал он, и я, отделившись от его тени, скакнул вниз, по ту сторону крепостной стены, и помчался через залитое лунным светом пространство между постройками.

Стражники на западных воротах проводили меня глазами, а я уже скользил и падал на покато ледяном склоне у западной стены. Скатываясь вниз, я порвал свой плащ о березовый пенёк и напрямик влетел в торчащий из сугроба куст ежевики. Я ничего не почувствовал, кроме весомой тяжести королевского поручения, лежавшего на моих юных плечах.

– Леди Моргана! – закричал я, приблизившись к лачуге. – Леди Моргана!

Должно быть, она ждала, потому что дверь хижины немедленно распахнулась и лицо Морганы в золотой маске засияло при свете луны.

– Иди! – пронзительно крикнула она. – Иди!

И я повернулся и помчался назад вверх по склону холма, а следом за мной неслась по снегу стайка сирот Мерлина. Они тащили кухонные горшки, которые громыхали при каждом их шаге, а когда склон стал уж очень крутым, им пришлось бросать эти горшки вперед и карабкаться вверх следом за ними. Моргана медленно следовала позади в сопровождении своей рабыни Себилы, несшей амулеты и травы.

– Пусть запалят огонь, Дерфель! – прокричала мне Моргана.

– Огонь! – завопил я, едва, запыхавшийся, ворвался в ворота. – Огонь на крепостные валы! Огонь!

Епископ Бедвин запротестовал, не желая допускать Моргану, но верховный король устремил на своего советника яростный взгляд, и епископ смиренно покорился вере предков. Его священникам и монахам приказали уйти и распорядились втаскивать на крепостные валы обгорелые поленья, подсовывать горящие головни под поленницы дров и хворост, надерганный из плетней, огораживавших лепившиеся к северной стене хижины. Костры поначалу тлели и трещали, а потом полыхнули в ночи яркими языками пламени, и дым повис в воздухе, плотным пологом укрывая внутренность крепости от злых духов, сбивая их с толку и преграждая путь к тому месту, где умирали принцесса и ее нерожденное дитя. Мы, молодые, носились вдоль крепостных валов, с грохотом колотя в горшки, поднимая жуткий шум, который мог отпугнуть, пожалуй, не только злых духов.

– Кричите! – приказал я детям из Инис-Видрина, и они выбегали из каждой лачуги, добавляя свои вопли к нашим.

Стражники били древками копий по щитам, монахи без передышки подкладывали дрова в пылающие священные костры, а мы, все остальные, не умолкая, выкрикивали громкие проклятия злым духам смерти, которые под покровом ночи пытались проскользнуть к умиравшей в родовых муках Норвенне.

Моргана, Себила, Нимуэ и с ними девочка вошли в зал. Норвенна издала истошный вопль, а мы так и не поняли, был ли это крик протеста, направленный против вошедших женщин Мерлина, или же крик боли, которую причинял упрямый младенец, разрывавший ее тело надвое. Крики усилились, когда Моргана принялась выгонять остававшихся внутри христианских служителей. Она вышвырнула на снег оба креста и кинула в огонь пригоршню магической женской травы. Позднее Нимуэ рассказала мне, что они положили во влажную постель железные самородки, чтобы напугать и изгнать уже поселившихся здесь злых духов, и разложили вокруг головы корчившейся от боли женщины семь орлиных камней, чтобы призвать добрых духов, посланцев богов.

Себила, рабыня Морганы, положила в дверях березовую ветку, а другой размахивала над извивавшимся в конвульсиях телом принцессы. Нимуэ припала к земле у двери и мочилась на порог, отгоняя злых фей, потом она налила немного своей мочи в чашку, поднесла к кровати Норвенны и опрыскала ею солому, чтобы злыдни не смогли унести душу ребенка в момент рождения. Моргана, чья золотая маска сверкала в отблесках костра, развела руки Норвенны в стороны и с силой втиснула между грудями принцессы амулет из редкого камня – янтаря. Маленькая девочка, одна из сирот, пригретых Мерлином, в ужасе замерла у изножья кровати.

Дым от костров застилал звезды. В окрестных лесах выли звери, разбуженные шумом и криками людей, а верховный король тем временем воздевал очи к умиравшей луне и молил богов простить ему, что призвал Моргану слишком поздно. Моргана была родной дочерью Утера, первой из четырех внебрачных детей, которых верховный король прижил от Игрейны Гвинеддской. Утер желал бы, чтобы здесь сейчас был Мерлин, но тот исчез уже несколько месяцев назад, ушел в никуда, пропал, казалось, навсегда, и Моргана, научившаяся у него своим искусствам, заменила Мерлина этой холодной ночью, в которой мы грохотали горшками, стучая их друг о друга, кричали до хрипоты, дабы выгнать злобных духов из Кар-Кадарна. Даже дряхлый Утер включился в эту суматоху, хотя глухой звук ударов его посоха о каменный выступ крепостного вала тонул в какофонии шума, грохота и криков. Епископ Бедвин стоял на коленях, истово бормоча молитвы, а его жена, изгнанная из комнаты роженицы, в голос плакала, выла и призывала милостивого христианского Бога простить языческих ведьм.

Но как раз ведьмовство и помогло: ребенок родился, вышел на свет живым.

Крик Норвенны в момент рождения был страшнее всех предыдущих. Пронзительный визг животного, отданного на заклятие; стенание, которое могло заставить рыдать небо. Позже Нимуэ рассказала мне, что Моргана, не обращая внимания на вопившую от боли роженицу, сунула руку в родильный канал и силой вытянула ребенка на свет. Ребенок вышел из обессиленной от мучений матери окровавленным, и Моргана приказала испуганной девочке поднять дитя вверх и держать, пока Нимуэ перевязывала и перекусывала пуповину. По поверью, новорожденного в первый момент должна была держать девственница, потому и взяли сюда эту маленькую девочку. Но она была так испугана, что не хотела приближаться к влажной от крови соломе, на которой теперь тяжело дышала Норвенна и лежал окровавленный, неподвижный, словно неживой, комок.

– Подними его! – властно крикнула Моргана.

Но девочка разразилась слезами, и Нимуэ пришлось самой сдернуть младенца с кровати и прочистить ему рот, чтобы в грудь новорожденного вошел первый живительный вдох.

А предзнаменования были дурными. Луна, окруженная бледным ореолом, таяла, и девственница отшатнулась от ребенка, который наконец издал громкий крик. Утер услышал этот крик, и я близко видел его устремленные в небо глаза, когда он молился богам, чтобы даровали ему младенца-мальчика.

– Мне пойти? – нерешительно спросил епископ Бедвин.

– Иди, – резко ответил Утер.

И грузный епископ, подхватив подол своего длинного одеяния, пополз вниз по приставной деревянной лестнице, а потом долго бежал по утопанному снегу внутреннего двора к дверям зала. Но не вошел, а постоял несколько секунд и побежал назад к крепостному валу, суматошно размахивая руками.

– Добрые известия, верховный владыка, добрые вести! – выкрикивал Бедвин, неуклюже карабкаясь вверх по лестнице. – Благие вести!

– Мальчик, – догадался Утер, словно выдохнув это долгожданное слово.

– Мальчик! – радостно подтвердил Бедвин. – Прекрасный мальчик!

Я распластался у ног верховного короля и видел, как слезы показались в его устремленных в небо глазах.

– Наследник, – удивленно проговорил Утер, будто все еще не осмеливаясь поверить, что боги были к нему благосклонны. Он смахнул слезы рукой в меховой перчатке. – Королевство спасено, Бедвин, – глухо сказал он.

– Хвала Господу, верховный владыка, оно в безопасности, – молитвенно произнес епископ.

– Мальчик, – сказал Утер, и вдруг его огромное тело сотряслось от ужасного кашля. Справившись с приступом, он еще долго тяжело дышал. – Мальчик, – повторил он, выравнивая дыхание.

Спустя некоторое время явилась Моргана. Она ловко взобралась по приставной лестнице, с размаху упала ничком и распростерла свое плотное короткое тело перед верховным королем. Золотая маска ее поблескивала и чуть скособочилась, словно скривилась от страха и ужаса. Утер дотронулся до плеча женщины кончиком посоха.

– Встань, Моргана, – сказал он и запустил руку под свой плащ в поисках золотой броши, которой собирался наградить ее.

Но Моргана не двинулась.

– Мальчик искалечен, – зловеще произнесла она. – У него кривая нога.

Я заметил, как Бедвин испуганно начертал в воздухе крест, потому что принц-калека явился самым страшным несчастьем этой холодной, полной худших предзнаменований ночи.

– Насколько крива? – спросил Утер.

– Только ступня, – ответила Моргана резким голосом. – Вся нога не повреждена, великий владыка, но принц никогда не будет бегать.

Из глубины просторного мехового плаща послышалось мелкое хихиканье.

– Короли не бегают, Моргана, они шествуют, они восседают на троне, они ездят верхом, и они вознаграждают своих преданных и честных слуг. Возьми золото.

Он протянул ей брошь. Это был весомый, тускло поблескивавший талисман Утера – золотой дракон.

Но Моргана все еще не решалась принять дар.

– Этот мальчик – последний ребенок, которого может выносить Норвенна, верховный владыка, – предупредила она. – Мы сожгли послед и ни звука не услышали.

Послед всегда кидали в огонь, чтобы по отрывистому хлопку сгорающей плоти определить, сколько еще детей родит мать.

– Я внимательно слушала, – сказала Моргана, – он был безгласен.

– Боги желают, чтобы он молчал, – хмуро проговорил Утер. – Мой сын мертв, – мрачно продолжал он, – так кто же может дать Норвенне другого младенца?

Моргана немного помолчала.

– Вы, верховный владыка? – наконец произнесла она.

Этот полувопрос вызвал у короля смешок, он захихикал, потом зашелся смехом, который сменился мучительным приступом кашля, заставившим Утера согнуться от сильной боли в легких. Кашель утих, но тело его содрогнулось, когда он покачал головой:

– Единственной обязанностью Норвенны было разродиться младенцем-мальчиком, Моргана, и это она совершила. Наша обязанность – защитить его.

– Всею мощью Думнонии, – с жаром добавил Бедвин.

– Новорожденные легко умирают, – предупредила Моргана, охлаживая мрачным тоном обоих мужчин.

– Только не этот! – свирепо выдохнул Утер. – Не этот. Он придет к тебе в Инис-Видрин, и ты, Моргана, соберешь все свое умение, чтобы он жил. Возьми брошь.

Наконец Моргана приняла золотого дракона. Калека-младенец все еще плакал, его мать протяжно стонала, но вдоль крепостных валов Кар-Кадарна уже ликовали мальчишки-колотильщики и костровые, радуясь тому, что в нашем королевстве опять есть наследник. В Думнонии появился наследный принц, а рождение наследного принца означает великий пир и щедрые дары. Напитанную кровью солому с кровати роженицы вынесли из зала и кинули в пылающий костер, и огненные языки взметнулись высоко в небо. Ребенок родился; все, что ему теперь нужно, – это имя. Сомнений, какое будет имя, не было. Никаких. Утер поднялся с кресла и высился на стене Кар-Кадарна – огромный и суровый, готовый произнести имя своего новорожденного внука, имя наследника, имя наследного принца королевства. Рожденный зимой младенец будет назван именем своего отца.

Мордред – вот как его будут звать.

Глава 2

Норвенну и младенца привезли к нам в Инис-Видрин в телеге, запряженной быком. Стоя на подветренной стороне Тора, я наблюдал, как большую мать и ее ребенка-калеку понесли на холщовой подстилке вверх по тропинке к частоколу. Морозный воздух леденил легкие, и Норвенна, которую вместе со спеленатым ребенком проносили через ворота Инис-Видрина, тихо хныкала.

Вот так Мордред, наследный принц Думнонии, прибыл в королевство Мерлина.

Инис-Видрин, что значит «стеклянный остров», был не островом, а скорее выдававшимся в море высокогорным мысом, окруженным мелкими бухтами, заросшими ивами, осокой и камышом. Дичи и рыбы водилось достаточно. А в береговых карьерах добывались глина и известняк. На илистых приливных берегах были проложены деревянные колеи, на которых неосторожные путники нередко тонули, застигнутые западным ветром, гнавшим приливную волну. На западе, за протяженными зелеными полями, начинались яблоневые сады, а на севере, в заливных лугах, окаймленных холмами, паслись стада коров и овец. И сердцем этой обильной земли был Инис-Видрин.

Звалась эта страна Авалон, и правил ею Мерлин, а прежде – его отец и отец его отца. И каждый житель, будь то крепостной или раб, работал на Мерлина, давая ему богатство и свободу по-прежнему оставаться друидом. Когда-то Британия была землей друидов, но римляне истребили почти всех, и даже теперь, когда взросло два поколения без римского владычества, осталась лишь горстка старых жрецов. Христианство затопило старую веру, как несомая ветром волна укрывает прибрежный камыш, топя его на дне – прибежище демонов.

Среди скопления поросших травой пологих холмов Тор возвышался своей скалистой короной, на которой и был построен дом Мерлина. Вокруг него теснились мелкие строения, окруженные деревянным частоколом. По древним террасам, устроенным еще до прихода римлян, вилась узкая тропинка, своими сложными извивами сбивая с толку злых духов и приводя к Мерлину тех из людей, кто стремился на вершину Тора в поисках исцеления или пророчества. Зато две другие тропинки открыто сбегали по склонам Тора – на восток, к земляной насыпи, и на запад, в сторону морских ворот, к населенной рыбаками, корзинщиками и пастухами деревеньке, что притулилась у подножия холма. Эти две тропы защищались от злых духов ежедневными молитвами и колдовскими амулетами.

Моргана предпочитала западную тропу, потому что она вела не только в деревню, но и к христианскому храму. Христиане пришли в Инис-Видрин вместе с римлянами еще при прадедушке Мерлина, и с тех пор никто и ничто не могло их выжить отсюда. Мы, дети, поощряемые взрослыми, кидались в монахов камнями, швыряли комья навоза через частокол монастыря, насмехались над пилигримами, что торопливо проскальзывали в плетеные ворота к каменной церкви, построенной еще римлянами. Они поклонялись какому-то колючему кусту. Мерлин как-то высадил на Торе подобный куст, и мы, кривляясь, пели и плясали вокруг него. Христиане грозили, что нас поразит их Бог, но ничего так и не произошло. В конце концов мы сожгли наш терновник и пепел его подмешали в пороссячую еду. И снова христианский Бог нас не тронул. Христиане твердили, что их терновник принес в Инис-Видрин чужеземец, который видел самого христианского Бога, прибитого гвоздями к дереву. В те далекие дни я тоже, да простит меня Господь, насмехался над подобными рассказами. Да и теперь я знаю, что наш терновый куст вовсе не тот священный терновник, который вырос из посоха Иосифа Аримафейского, потому что еще в детстве видел, как однажды ночью монахи выкапывали засохший куст и заменяли его новым, росшим у ограды. Этот несчастный терновник постоянно сох, отягощенный тряпочками, привязанными к нему пилигримами. И все же благодаря священному кусту монахи здорово обогащались, жирея от щедрых даров паломников.

Пользуясь благосклонностью Норвенны, монахи все чаще проникали за наш частокол и даже притаскивали своих молящихся в самое сердце твердыни Мерлина. Сама принцесса Норвенна оставалась яростной христианкой, несмотря на то что Дева Мария так и не помогла ей благополучно разрешиться от бремени. Мерлин наверняка не позволил бы вводить монахов в ограду, но его к тому времени уже больше года не было в Инис-Видрине, и жизнь наша текла без него.

Странная это была жизнь. Мерлин окружил себя целой толпой калек, уродов и бесноватых. Распоряжался его домашним хозяйством карлик Друидан, который был одновременно и начальником стражи. Ростом с пятилетнего ребенка, этот карлик свирепостью превосходил всякого и рядился в ножные латы, шлем, воинский плащ и обвешивался оружием. Он исходил злобой, но мстил не судьбе, что сыграла с ним такую шутку, а тем, кто был еще слабее, – сиротам, которых Мерлин привечал. Карлик преследовал девушек, но, когда попытался затащить в постель Нимуэ, получил хорошую трепку от Мерлина, который порвал ему уши, рассек губу и подбил оба глаза. Стражники, отданные под начало Друидану, были или хромыми, или слепыми, или просто сумасшедшими. Но никто не был настолько безумен, чтобы любить карлика.

Нимуэ, подруга и спутница моего детства, была ирландкой. А ирландцы никогда не жили под игом римлян и оттого считали себя лучшими из бриттов и позволяли себе грабить и поработать остальных обитателей нашей суши. Кабы не ужасные саксы, мы могли бы считать ирландцев худшим племенем. Нимуэ похитили во время набега Утера на ирландское поселение в Деметии, что за морем. Когда корабль с пленниками уже возвращался в Думнонию, налетел великий ураган, и погибли все, кроме Нимуэ. Говорили, что она даже вышла из моря совершенно сухой. По словам Мерлина, это был знак, что ее любит Манавидан, бог моря, хотя сама Нимуэ твердила, будто ее спасла могущественная богиня Дона. Своенравная и любознательная Нимуэ всегда поступала по-своему. Но когда минуло тринадцать лет со дня ее появления и Мерлин приказал ей лечь к нему в постель, она вдруг легко покорилась, будто всегда знала, что именно эта судьба ей уготована. Так она стала второй среди важных персон в Инис-Видрине.

Впрочем, Моргана не собиралась уступать ей первенство. Из всех странных существ, окружавших Мерлина, Моргана слыла самой уродливой. Вдова в тридцать лет, Моргана была рождения самого высокого – первая из четырех детей верховного короля Утера и Игрейны Гвинеддской. Сам Артур приходился ей братом, а при таком родстве любой мужчина готов был сразиться с силами потустороннего мира ради руки могущественной вдовы. Но, к несчастью, дом, в котором Моргана проводила свою первую брачную ночь, был охвачен пожаром. Молодой муж сгорел, а ее саму пламя изуродовало – сожрало левое ухо, выжгло левый глаз, съело волосы с левой стороны головы, искалечило левую руку и ногу. Как говорила мне Нимуэ, вся левая половина тела Моргану скукожилась, будто стгнившее яблоко. И все же эта прищелица из ночных кошмаров для Мерлина оставалась высокородной леди. Он посвятил ее в тайны предсказаний и приказал златокузнецу верховного короля выковать для нее золотую маску. В этой маске, сделанной наподобие шлема, гравированного изображениями драконов и лика рогатого бога Цернунна, покровителя Мерлина, было оставлено отверстие для ее единственного глаза и щель для искривленного рта. Златоликая Моргана, постоянно закутанная в черный плащ, в черной перчатке на левой иссохшей руке, слыла великой целительницей, обладавшей к тому же и даром предсказания. Но ко всему прочему она обладала самым ужасным характером.

Себила, рабыня Моргану, была, напротив, девушкой редкой красоты с копной светло-золотых вьющихся волос. Ее, уроженку племени саксов, захватили в плен при одном из набегов и целый сезон насиловали всем военным отрядом. В Инис-Видрине она появилась полоумной, невнятно бормочущей нищенкой, и Моргана излечила ее, вернув девушке разум. Однако так и не смогла излечить ее от страха и покорности. Бедняжка ложилась с любым, кто грозил ей, и потому рожала год за годом златовласых младенцев, редкие из которых выживали. Впрочем, выживших Мерлин продавал в рабство.

Я тоже был саксом и мог говорить с Себилой на языке моей матери. Мне, как и ей, была уготована судьба раба. Когда я был малышом, ростом меньше карлика Друидана, отряд бриттов под водительством короля Гундлеуса Силурского захватил наше селение. Мать мою изнасиловали, а меня потащили к яме смерти, где друид Силурии Танабурс должен был принести в жертву богу Белу дюжину пленников. О, как мне памятна эта ночь: языки пламени, дикие вопли, пьяные выкрики и пляски и тот страшный миг, когда Танабурс швырнул меня в черную бездонную яму. Я вышел из ямы смерти так же легко, как Нимуэ из морской пучины, и Мерлин, нашедший меня, посчитал, будто я дитя Бела, взял в свой дом и дал мне имя Дерфель, позволив расти свободным.

В Торе было немало детей, подобно мне спасенных богами. Мерлин хотел вырастить из нас друидов и жриц, которые помогут ему возродить подлинную религию в испорченной римлянами Британии. Но времени на наше обучение у него никогда не оказывалось, и, вырастая, мальчики становились крестьянами и рыбаками, а девочки – просто женами. Лишь Нимуэ, казалось, была отмечена богами и обещала стать настоящей жрицей. Я же мечтал о судьбе воина.

Пеллинон, самый любимый из питомцев Мерлина, вложил в меня эту мечту. Он был королем, но саксы похитили его земли, отняли у него глаза, а боги взяли разум. Его бы отправили на Остров Смерти, прибежище всех бесноватых, но Мерлин оставил Пеллинора на Торе, приказав поселить в загоне со свиньями Друидана. Голый, с длинными, доходящими до колен белыми волосами и пустыми, постоянно слезящимися глазницами, несчастный громко выкрикивал бессвязные слова, жалуясь вселенной на свою горькую долю, а Мерлин вышелушивал из его сумасшедшего бреда послания богов. Все страшилось неукротимо дикого и бешеного Пеллинора, который однажды зажарил и сожрал одного из детей Себилы, но меня по странности он любил и часто рассказывал вполне связно истории о битвах и диких охотах. Мне он вовсе не казался сумасшедшим и никогда не причинял вреда, как, кстати, и моей подруге Нимуэ. Мерлин объяснял это тем, что мы были детьми, которых особенно возлюбил Бел.

Зато Гвендолен, старая и беззубая жена Мерлина, нас ненавидела. Как и Моргана, она была чародейкой, знала волшебные травы и умела ворожить, но лицо ее было обезображено болезнью. Мерлин покинул Гвендолен задолго до моего появления в Торе, в те времена, которые называли дурными, ибо именно тогда Мерлин вернулся из северного похода почти лишившимся разума и твердости духа. Он поселил ее в маленькой хижине у самого частокола, где она и проводила дни, проклиная мужа и творя против него злобные заклинания. Она ненавидела всех, но больше всего Друидана, на которого нередко нападала с раскаленным вертелом, а он, бедняга, улепetyвал, петляя между хижинами. А мы, жестокие дети, подстрекали старуху криками, требуя крови карлика.

Из моего описания место, куда прибыла Норвенна с наследником, может показаться ужасным, однако Инис-Видрин, наш Стекланный Остров, был отличным убежищем, где под покровительством Мерлина мы росли свободными детьми, мало работали и много веселились.

Норвенна явилась зимой, когда болота Авалона поблескивали подо льдом. В Инис-Видрине жил плотник Гвилиддин, у которого был мальчик-младенец, и его жена Ралла стала кормилицей Мордредра. Несмотря на увечную ногу, принц рос на ее молоке сильным и здоровым. Да и Норвенна поправилась, как только холода ослабли, и с наступлением священной весны у подножия Тора зацвели подснежники. Моргана и Гвендолен поили ее заговорными отварами, монахи молились, и болезнь наконец отступила. Каждую неделю к верховному королю отправляли вестника с новостями о здоровье наследного принца, и каждая новость награждалась золотым слитком, рогом соли или флягой вина, которую Друидан неизменно воровал.

Мерлин все не появлялся, и Тор без него казался пустынным, хотя жизнь и продолжалась. Надо было наполнять кладовые, уничтожать крыс, заготовливать дрова и трижды в день таскать воду из источника у подножия холма. Хьюэл, управляющий, объезжал поместья, собирая

подати с каждой семьи, а писец Гудован подсчитывал доходы. Именно Гудован научил меня писать и читать, хотя я поначалу сопротивлялся, считая это дело неподходящим для воина. Но Нимуэ настояла:

- Ты остался без отца и должен будешь сам прокладывать себе дорогу.
- Я хочу быть солдатом.
- Ты и станешь им, – обещала она, – но прежде выучись писать и читать.

И такова была ее власть надо мной, что я покорился.

Зато управляющий Хьюэл обучал меня драке. Он орудовал обыкновенной палкой, но удар этой крестьянской дубинки не уступал мечу и копью воина. Хьюэл, который до того, как лишился ноги от топора сакса, был знаменитым воином в отряде Утера, заставлял меня упражняться, пока руки мои не стали достаточно сильными, чтобы владеть тяжелым мечом так же споро, как палкой. Большинство воинов, говорил Хьюэл, полагаются лишь на грубую силу и бодрящий медовый напиток и могут единым ударом свалить быка, но человек с головой всегда имеет в запасе хитрый удар, который сразит безмозглую скотину.

– Я был пьян, – признался он, – когда Охтха-сакс отсек мне ногу. А ты, парень, давай работай! Быстрее! Твой меч должен слепить как молния. Еще быстрее!

Первыми плоды его уроков вкусили сыновья монахов из нижнего селения Инис-Видрина. Они завидовали нам, свободным детям Тора, которые бездельничали, в то время как те трудились дотемна, ненавидели нас и при случае пытались побить. Как-то я своей палкой измочалил до крови троих христиан. Эту победу я приписал благосклонности богов, которые дали мне силу, но Хьюэл высек меня, приговаривая, что никогда не надо нападать на того, кто ниже и слабее тебя, хотя, я думаю, он все же был доволен, потому что на следующий день взял меня с собой на охоту, и я убил своего первого кабана настоящим мужским копьем. Это случилось в туманной чаще у реки Кэм, и было мне тогда всего двенадцать лет от роду. Хьюэл измазал мне лицо кабаньей кровью и дал клыки для ожерелья, а тушу отнес в храм бога солнца Митры, где устроил пир в честь этого покровителя воинов. Как-нибудь, пообещал Хьюэл, когда я отращу бороду и убью в бою первого сакса, меня тоже допустят на пир. И три года спустя я все еще мечтал убить сакса. Может удивить, что я, юноша-сакс, был столь ревностным бриттом, но с самого раннего детства я воспитывался среди бриттов, и мои друзья, любовь, все слышанные истории, мечты и даже сны были бриттскими.

С прибытием Мордредра и его матери на Торе стало многолюдно. Норвенна привела не только служанок, но и целую когорту воинов, которые должны были охранять наследника. Мы спали вповалку, по четверо-пятеро в хижине. Во внутренние комнаты Мерлина позволено было входить лишь Нимуэ. Норвенна и ее прислужницы жили в самом доме, который был наполнен дымом от двух костров, горевших день и ночь. Дом был прочный, на дубовых сваях, с оштукатуренными плетеными стенами и тростниковой крышей. Комнаты Мерлина отделялись ивовой оштукатуренной перегородкой с единственной маленькой дверью. Над домом возвышалась деревянная башня Мерлина, самая высокая на Торе. То, что происходило в башне, знали лишь сам Мерлин, Моргана и Нимуэ. Поговаривали, что башня Мерлина битком набита сокровищами, добытыми из курганов древних людей.

Начальником стражи Мордредра был христианин Лигессак, высокий, худой, прожорливый человек, умевший на расстоянии пятидесяти шагов расщепить стрелой веточку. Он учил меня кое-чему, когда был трезв, но чаще любил играть в азартные игры с другими взрослыми. Он-то и поведал мне историю смерти принца Мордредра и причину гнева верховного короля, который проклял Артура.

– Вины Артура здесь не было, – сказал Лигессак, кидая на доску игральные кости. – Шестерка!

- Удваиваю, – вступил в игру другой стражник принца, Менв, с грохотом кидая камень.

Лигессак проиграл и послал Менва за своим кошельком, а сам продолжал рассказывать о том, как Утер вызвал Артура из Арморики на помощь – сражаться против огромной армии саксов, вторгшихся в наши земли.

– У Артура не оказалось достаточного количества кораблей, чтобы погрузить на них людей с лошадьми, но это его не остановило. Он заманил этих ублюдков-саксов в ловушку в долине Белой Лошади, – толковал Лигессак. – Но Мордред решил, что справится и без Артура. Не желал делиться почестями и добычей. – Лигессак понизил голос: – Мордред был пьян, а его люди бахвалились, что каждый голыми руками положит десяток саксов. Мы должны были ждать Артура, но принц приказал атаковать.

– Ты там был! – с восторгом воскликнул я.

– Вместе с Мордредом, – кивнул он. – Бог мой, как они сражались! Их воины кромсали нас мечами и топорами. Их барабаны грохотали, их колдуны завывали. У меня кончились стрелы, и я работал копьем. Осталось нас не более двадцати из пяти десятков. Наше знамя с драконом досталось врагу. Мордред истекал кровью. И тут появились люди Артура. – Он печально покачал головой. – Барды теперь поют, что Мордред залил землю кровью саксов. Не верь, парень. Это был Артур. Он вернул знамя, перебил колдунов, сжег военные барабаны и преследовал оставшихся в живых до самого заката. И это он при свете луны убил их военачальника Эдви. Саксы теперь притихли не потому, что их побил Мордред. Они думают, мальчик, что Артур вернулся в Британию.

– Но он не вернулся, – сказал я мрачно.

– Верховный король не желает. – Лигессак огляделся, опасаясь, что его услышат. – Верховный король считает, что Артур хотел смерти Мордреда, чтобы стать королем. Но это неправда, Артур не такой.

– А какой он? – спросил я.

Лигессак увидел возвращавшегося Менва и предупредил меня:

– Тшш! Ни слова, мальчик.

Об этом болтали много, но Лигессак был первым, кто утверждал, будто сам был при битве в долине Белой Лошади. Много позже я решил, что он наплел мне все это, чтобы поразить воображение доверчивого мальчика. Но в одном он не соврал. Мордред и впрямь был пьяным дураком. Победителем был Артур, но Утер все равно отослал его за море. Они оба были сыновьями Утера. Только Мордред – любимчик и подлинный наследник, а Артур – выскочка-бастард. Но для жителей Думнонии этот бастард оставался надеждой страны и тем молодым воином, который спасет нас от саксов и возвратит Ллогр, Потерянные Земли.

Вторая половина зимы была мягкой. Волков видели только за земляной стеной, но ни один не подошел близко к Тору. Вскоре мы начали готовиться к большому весеннему празднику Бельтен с его пылающими кострами и полуночными пирами. Но вдруг сильное волнение потрясло Тор.

Прибыл Гундлеус Силурский.

Первым появился епископ Бедвин, доверенное лицо Утера. Из дома выдворили служанок Норвенны, а полы устлали ткаными коврами. Поначалу мы решили, что приедет сам Утер, но на земляном валу появилось знамя, и на нем был вышит не дракон Утера, а лиса Гундлеуса. Ранним утром у подножия Тора спешили всадники. Ветер трепал их плащи и обтрепанные знамена с ненавистной мне лисьей маской.

– Что это? – спросила стоявшая рядом со мной на восточной сторожевой платформе Нимуэ.

– Знамя Гундлеуса, – ответил я и увидел удивление в глазах Нимуэ, потому что Гундлеус был королем Силурии и союзником Горфиддида Повисского, заклятого врага Думнонии. – Он взял мою мать, а его друид швырнул меня в яму смерти.

Я плюнул в сторону дюжины поднимавшихся на Тор мужчин. Среди них был Танабурс, друид Гундлеуса и мой злой дух. Этот высокий старик с заплетенной в косички белой бородой и длинными белыми волосами, сбритыми на лбу, как это делали друиды и христианские священники, вдруг на середине склона скинул плащ и начал охранный танец на тот случай, если Мерлин заклял ворота. Нимуэ, глядя на скачущего старика, тоже сплонула и побежала к дому Мерлина. Она что-то крикнула о грозящей нам опасности.

Никакой опасности я не видел. Бедвин приказал распахнуть ворота и радушно встречал гостей на вершине Тора. Моргана с утра удалилась, но Друидан и Лиггесак уже выстраивали своих стражников, голый Пеллинор выл на облака, Гвендолен выплевывала беззубым ртом проклятия на голову Бедвина, а дети с любопытством глазели на пришельцев. Линует, ирландский найденыш, открыл загон со свиньями Друидана, и Танабурс был встречен неистовым визгом.

Но друида этим не испугать. Танабурс, в грязном сером платье, вышитом зайцами и полумесяцами, три раза поднял к солнцу посох с навершием-луной и завыл на башню Мерлина. Он выл долго и монотонно, отгоняя от Тора невидимых врагов.

Потом несколько секунд была тишина, только шелестели знамена и слышалось тяжелое дыхание воинов, карабкавшихся по крутому склону.

– Кто это? – спросил подошедший ко мне писец Мерлина Гудован. Зябнувшие руки его были замотаны в испачканные чернилами тряпицы.

Ответом на вой Танабурса был пронзительный визг, долетавший из дома Мерлина. Я знал, что это Нимуэ. Танабурс залаял лисицей, коснулся своих гениталий, сотворив знак зла, и принялся скакать к дому на одной ноге. Через пять шагов он снова завыл. Ответа не последовало. Тогда, встав на обе ноги, он позвал своего хозяина:

– Опасности нет, мой повелитель! Идите, король!

– Король, – хихикнул Гудован.

Я удивился и спросил, с чего это Гундлеус, тайный враг Мерлина, появился здесь. Писец почесал спину и пожал плечами:

– Политика, мой мальчик, политика.

– Объясни, – попросил я.

Гудован вздохнул, поглядел на меня как на последнего тупицу, потом заговорил:

– Норвенне надо выходить замуж. Мордред еще младенец, которого нужно опекать, а кто лучше короля сделает это? И почему бы не превратить вражеского короля в друга Думнонии? Вот и ответ. Если бы ты дал себе труд подумать, не отнимал бы у меня время. – Он дал мне легкий подзатыльник. – А разве ты не должен сейчас заниматься подсчетами для Хьюэла?

Я отмолчался и продолжал наблюдать, как стражники скользят на жидкой грязи, пропуская в ворота короля. Силурский король, этот высокий, крепко сбитый человек, был совсем молодым, когда его всадники схватили мою мать, а меня кинули в яму смерти. Но дюжина лет, прошедших с тех пор, не состарили его: король по-прежнему был красив, с длинными черными волосами и густой бородой. На нем был лисий плащ, доходившие до колен сапоги, красно-коричневая туника и меч в красных ножнах. Его могучие воины возвышались над жалким сборищем искалеченных копьеносцев Друидана. Силуры были с мечами, но без копий и щитов, показывая тем, что они пришли с миром.

Когда Танабурс проходил мимо, я отпрянул, хотя вряд ли он мог узнать во мне того колченогого младенца, которого кинул в яму смерти. Надо мной мелькнули мутные голубые глаза силурского друида, его вислый нос и слюнявый рот. Он шаркал впереди своего короля, и сухо постукивали вплетенные в его волосы маленькие косточки. Рядом с Гундлеусом вышагивал епископ Бедвин, взалхлеб твердивший о той чести, какой удостоился Тор. Двое силурских стражников несли тяжелый короб с подарками Норвенне.

Процессия втянулась в дом. Люди Лигессака преграждали путь всем остальным, но те, кто вырос на Торе, знали, как пробраться в дом Мерлина. Я вскарабкался на кучу бревен с южной стороны, отвернул одну из кожаных занавесок на окне, свалился на пол и затаился за плетеным сундуком с праздничными одеждами.

Норвенна сидела на деревянном стуле в центре зала. Красивой вдовая принцесса не была, но какое значение имело то, что лицо у нее было круглым, как луна, глазки – пороссячи, узкий рот – с кисло опущенными уголками губ, а кожа изрыта оспинами? Великие люди женятся на принцессах не из-за личика, а ради той власти, которую получают в приданое. И все же Норвенна приготовилась к визиту. Ее обрядили в бледно-голубой шерстяной плащ, падавший на пол складками, в темные волосы вплели цветущий терн и косы обернули вокруг головы. На шее Норвенны поблескивал золотой торквес, запястье тяжелили три золотых браслета, а между грудей свисал простой деревянный крест. Одной рукой она нервно теребила крест, в другой лежал запеленутый в золотистый плащ наследник Думнонии принц Мордред.

Король Гундлеус едва взглянул на Норвенну и развалился на стуле с таким видом, будто ему давно наскучила вся эта суета. Танабурс носился от колонны к колонне и бормотал заклинания, брызгая слюной. Трещали зажженные в двух концах зала костры, дым клубился под крышей. Нимуэ нигде не было видно.

Гостям подали вино, копченую рыбу и овсяные лепешки. Епископ Бедвин произнес речь. Он объяснил Норвенне, что Гундлеус, король Силурии, направляясь с миссией дружбы к верховному королю, проезжал мимо Инис-Видрина и соизволил нанести визит принцу Мордреду и его матери. Король привез дары, сказал Бедвин, и тут же по взмаху руки Гундлеуса два стражника поднесли к ногам принцессы короб. Дары выложили на ковер. Норвенна не произнесла ни слова. Она с сомнением глядела на подарки, которые, по правде говоря, не впечатляли. Из шкуры оленя можно было бы сделать пару перчаток, и только; шкурки выдр были хороши, но у Норвенны в плетеных корзинах лежали и получше, а торквес вокруг ее шеи был раза в четыре тяжелее того, что преподнес король. Гундлеус ждал. Епископ Бедвин лучезарно улыбался. Танабурс старательно оплевывал колонну защитной слюной.

Неловкую тишину нарушил Бедвин:

– Подарки великолепные! Редкие, по-настоящему щедрые, король-повелитель.

Норвенна кивала. Ребенок заплакал, и Ралла, кормилица, унесла его в угол, где успокоила грудью.

– Наследный принц здоров? – впервые заговорил Гундлеус.

– Хвала Господу и Его святым, – ответила Норвенна.

– Его левая нога выправилась? – бесцеремонно спросил Гундлеус.

– Он сможет ездить верхом, владеть мечом и сидеть на троне, – твердо проговорила Норвенна.

– Конечно, конечно.

Гундлеус мельком глянул на сосущего младенца, улыбнулся, потом раскинул длинные руки и оглядел зал. О женитьбе ничего не было сказано. Да и не здесь и не у Норвенны спрашивать. На то есть Утер.

– Вот оно какое логово лорда Мерлина, – протянул Гундлеус. – А где он сам?

Никто не ответил. Я заметил, что Танабурс, пыхтя, закапывает амулет в земляной пол под одним из ковров. После я отыскал там маленького костяного кабана и кинул его в огонь, который яростно выплюнул синие языки пламени. Нимуэ сказала, что я сделал верно.

– Лорд Мерлин, думаем, в Ирландии, – наконец ответил епископ Бедвин. – Или, может быть, в северных просторах, – туманно добавил он.

– Или, может быть, мертв? – предположил Гундлеус.

– Молюсь, чтобы этого не случилось! – пылко воскликнул Бедвин.

– Вы? – Гундлеус перегнулся на стуле, чтобы заглянуть в глаза Бедвину. – Вы одобряете Мерлина, епископ?

– Он наш друг, – миролюбиво ответил Бедвин.

– Лорд Мерлин – друид и ненавидит христиан!

– Сейчас в Британии много христиан и мало друидов, – спокойно ответил епископ. – Думаю, нам, людям истинной веры, нечего бояться.

– Ты слышал, Танабурс? – обратился король к своему друиду. – Епископ не боится тебя!

Танабурс не ответил. Он замер перед двумя черепами у двери в комнаты Мерлина. Только друид мог бы пересечь эту призрачную границу, но и друид не посмел бы переступить через черту, проведенную Мерлином.

– Вы остаетесь на ночь? – попытался перевести разговор епископ.

– Нет, – грубо рявкнул Гундлеус, поднимаясь.

Я было подумал, что он собирается уходить, но король уставился на маленькую черную, охраняемую черепами дверь, перед которой застыл Танабурс, похожий сейчас на охотничьего пса, учуявшего кабана.

– Что за дверь? – спросил Гундлеус.

– Покои моего повелителя Мерлина, – склонил голову Бедвин.

– Хранилище тайн? – свирепо рявкнул Гундлеус.

– Спальни, ничего более, – старался скрыть страх Бедвин.

Танабурс дрожащей рукой направил увенчанный луной посох в сторону двери. Король Гундлеус хмуро наблюдал за своим друидом, потом одним глотком осушил полный вина рог и швырнул его на пол.

– Может, я и стану там спать, но сначала гляну, что там такое.

Он жестом приказал друиду идти первым, но тот не двинулся с места. Мерлин слыл самым великим друидом в Британии, и его боялись все за Ирландским морем. Тайны, скрытые за дверью, могли сделать Танабурса столь же могущественным.

– Открой дверь! – приказал король.

Лунное навершие посоха зависло над одним из черепов, потом коснулось пожелтевшего костяного купола. Ничего не произошло. Танабурс плюнул на череп, перевернул его и быстро отдернул посох. И снова ничего. Тогда друид смело протянул руку к деревянной задвижке.

И в ужасе замер. Жуткий вой ворвался в задымленную полутьму зала. Мучительный женский крик. Норвенна задрожала от страха и принялась мелко креститься. Младенец Мордред заплакал. Вой оборвался, и Гундлеус грубо захохотал.

– Воина не испугать женским визгом, – громогласно произнес он и двинулся к двери.

Раздался треск, и почерневшую от дыма дубовую дверь пронзил изнутри серебряный наконечник копья. Какая же нечеловеческая сила нужна для такого удара! Даже Гундлеус приостановился, но гордость не позволила ему отступить. Он плюнул на наконечник копья, толкнул дверь и в ужасе отшатнулся. Я видел этот немой ужас в его глазах. Танабурс махал посохом. Бедвин молился. Норвенна застыла на стуле. В дверях показалась Нимуэ. Даже я задрожал, увидев свою подружку.

Нимуэ была обнаженной, ее худенькое белое тело алело от крови, которая капала с волос, струилась между маленьких грудей, текла по бедрам. Голову девушки увенчивала маска смерти. Это была выдубленная кожа с лица принесенного в жертву человека. Сухая, желтая человеческая кожа свободно свисала со спины Нимуэ, которая, запинаясь, мелкими шажками наступала на силурского короля. На ее окровавленном лице сверкали белки глаз. Выкрикивая грязные солдатские ругательства, она вытягивала вперед руки с извивающимися гадюками.

Гундлеус отпрянул, но сжал рукоять меча. И тогда Нимуэ дернула головой, маска смерти соскользнула, и тут мы увидели в ее сбитых колтуном волосах летучую мышь! Мерзкая тварь расправила черные складчатые крылья и запищала, разинув красную пасть.

Норвенна сорвалась с места и кинулась к ребенку. Все остальные в ужасе усталились на чудище, запутавшееся в ловушке волос Нимуэ. Оно дергалось, хлопало крыльями, верещало, пытаясь высвободиться. Змеи в кулачках Нимуэ извивались. И неожиданно зал опустел. Все, даже король, неслись к распахнутой восточной двери, в которую пробивался утренний свет.

Нимуэ подошла к огню и спокойно швырнула змей в объятия жадных языков пламени. Потом она выпутала из волос летучую мышь, которая взвилась к стропилам, и содрала с себя жухлую кожу мертвеца. Выбрав из привезенных Гундлеусом даров изящный римский сосуд, она несколько мгновений смотрела на него, а затем, изогнув гибкое тело, швырнула драгоценный подарок в дубовый столб, и сосуд разлетелся дождем бледно-зеленых осколков.

– Дерфель! Я знаю, ты здесь!

Голос ее гулко разнесся по замершему в тишине залу.

– Нимуэ? – испуганно произнес я, появляясь из-за своего укрытия.

Я был в ужасе. Змеиный жир шипел в огне, летучие мыши били крыльями под стропилами крыши. Нимуэ улыбнулась мне:

– Принеси воды, Дерфель.

– Воды? – глупо переспросил я.

– Мне нужно смыть куриную кровь, – объяснила Нимуэ.

– Куриную?

– Воды, – вновь приказала она. – Кувшин стоит у двери. Принеси его.

– Туда? – удивленно спросил я, так как понял по ее жесту, что должен принести воду в комнаты Мерлина.

– Почему бы и нет? – сказала она, проходя через дверь, в которой все еще торчало огромное копьё, с каким обычно ходили на кабана.

Я поднял тяжелый кувшин и последовал за ней. Нимуэ стояла перед листом полированной бронзы, в котором отражалось ее обнаженное тело. Она не смутилась, потому что детьми мы бегали вместе голышом, но я в замешательстве осознал, что мы больше не дети. Я поставил кувшин на пол и отступил к двери.

– Пожалуйста, останься, – сказала она. – И закрой дверь.

Я с трудом вытащил копьё из двери и только потом смог закрыть ее. Я не стал спрашивать у Нимуэ, как ей удалось пробить дуб. Она явно была не в настроении отвечать, поэтому я молча высвободил оружие, пока Нимуэ смывала кровь и заворачивалась в черный плащ.

– Иди сюда, – сказала она наконец.

Я покорно подошел к застеленному шерстяными одеялами и мехами низкому деревянному ложу, на котором Нимуэ, видимо, проводила ночи. Сев на ложе, я заключил ее в объятия, чувствуя сквозь мягкую ткань плаща ее ребра. Нимуэ плакала. Я не понимал почему и просто обнимал ее, оглядывая обиталище Мерлина.

Помещение было заставлено бесчисленным множеством сундуков и плетеных корзин, среди которых бродили несколько исхудалых котят. Пыль лежала везде. Запах сырости, кошачьей мочи, плесени, гниющих трав, пучками свисавших с балок, был невыносим. Беспорядочная гора свернувшихся и потрескавшихся пергаментов высилась на столе. На пыльной полке рядами стояли черепа животных. На стене висел меч, из глиняного кувшина торчал пучок стрел, а из груды выцветших щитов высывался сноп почерневших копий. Дымящаяся жаровня стояла на россыпи серого пепла. Рядом с большим медным зеркалом я, к своему удивлению, увидел обвитый омелой христианский крест с прибитым к нему телом их мертвого Христа. В странной каменной урне была навалена беспорядочная куча из орлиных перьев, кочанов капусты фей, эльфовых затворов, змеиных и ведьминских камней, морских раковин и сосновых шишек. Какие же тайны хранились за другой дверью башни Мерлина?

Нимуэ перестала плакать.

– Он ничего не выбрасывает, – сказала она, словно угадав мои мысли.

За дверью слышались голоса, но никто не решался потревожить нас. Нимуэ встала и, пошарив среди чаш, горшков и ковшей, нашла нож, высеченный из черного камня и украшенный белой костью. Она опустилась на колени и посмотрела мне прямо в глаза. Долгое время она молчала, и я слышал биение своего сердца. Казалось, Нимуэ решает на что-то зловеще важное, что изменит течение моей жизни. Черные волосы, обрамлявшие ее клинообразное лицо с широким и высоким лбом, растрепались, глаза потемнели, в них горели разум и знание; Нимуэ родилась знающей, или же боги дали ей это знание. Теперь, в отсутствие Мерлина, она стала совсем взрослой, словно ответственность, возложенная на ее плечи, меняла прежнюю резвую и озорную девчонку прямо на глазах. Я менялся тоже, превращаясь из худого, шуплого ребенка в высокого молодого человека. Но ложе и сон, которые Нимуэ делила с Мерлином, возвысили ее, сделали твердой и неумолимой. Она предпочла бы скорее увидеть умершую в ледяном холоде землю, чем отказаться от своего видения Британии, осененной покровительством собственных британских богов. И теперь, стоя передо мной на коленях, она, наверное, решала, достоин ли и я быть частью этой пылкой мечты.

– Дай мне свою левую руку, – приказала она, решившись.

Нимуэ крепко держала мою ладонь, произнося заклинания. Среди непонятных слов я разобрал имена Камулоса, бога войны, Мананнана, сына Ллира, собственного бога Нимуэ, Агроны, богини кровопролития, и Аранхрод Золотой, богини рассвета. Неожиданно Нимуэ резанула ножом по моей ладони. Брызнула кровь. Я вскрикнул. Она шикнула на меня и тем же резким движением рассекла свою ладонь. Потом соединила разрезы наших ладоней и крепко обернула их полой своего черного плаща.

– Дерфель, – тихо сказала она, – пока остаются на наших руках эти шрамы, мы одно целое. Согласен?

Я взглянул ей в глаза и понял, что это не просто игра, не детская клятва, но то, что свяжет нас в этом мире, а может, и в следующем.

– Согласен, – прошептал я.

– И пока у тебя есть шрам, Дерфель, твоя жизнь принадлежит мне, а моя жизнь – твоя, – сказала Нимуэ. – Когда-нибудь я позову тебя, и, если ты не придешь, этот шрам будет свидетельством для богов, что ты неверный друг, предатель и враг.

– Да, – сказал я.

Все еще не выпуская мою руку, она скользнула под ворох мехов и одеял и затихла. Я лежал без сна, смущенный и наполненный благоговейным страхом. Рука моя занемела.

Проснулась Нимуэ в середине дня.

– Гундлеус ушел, – уверенно сказала она.

Непонятно, как ей удалось это узнать.

Затем Нимуэ резко отдернула полу плаща от наших спеленутых ладоней, и засохшие струпы болезненно оторвались от раны. Она приложила к моей кровоточащей ладони легкий пучок паутины.

– Скоро заживет. Ты голоден?

Мы разделили кусок сухого хлеба и обкусанный мышами сыр.

– Это была прирученная летучая мышь? – вспомнил я вчерашний ужас.

– Старый трюк, – рассеянно ответила Нимуэ. – Этому научил меня Мерлин. Ты привязываешь к лапам летучей мыши соколиные путы и легко отпускаешь ее. – Она провела рукой по волосам и рассмеялась. – И это напугало Танабурса! А он ведь друид!

Мне смешно не было. Я хотел верить в волшебство.

– А змеи? – спросил я.

– Мерлин держит их в корзине. – Она заметила мое огорчение. – Что-то не так?

– Все это обман? – разочарованно проговорил я.

Она нахмурилась. На долгое время повисла тишина. Наконец Нимуэ заговорила:

– Волшебство происходит, когда жизни богов и людей соприкасаются, но такие мгновения не управляются людьми. Я не могу щелкнуть пальцами и наполнить комнату туманом, но видела, как такое происходит. Я не могу поднять мертвого, хотя Мерлин говорит, что видел подобное. Я не могу приказать молнии ударить в Гундлеуса, хотя жажду научиться тому, что могут делать боги. Но было время, Дерфель, когда мы жили с богами и могли использовать их силу, чтобы хранить Британию. Но пришли римляне и разрушили наше единение.

– Но почему? – нетерпеливо перебил я.

Мерлин рассказывал нам, как Рим разорвал узы между Британией и ее богами, но никогда не объяснял, как это могло случиться, если у богов такая сила.

– Потому что боги хотели этого. Некоторые боги злые, Дерфель. Или, может быть, наши предки нарушили договор и боги наказали их, послав римлян? Но римляне ушли, и теперь мы можем восстановить Британию. – Голос ее был тихим и напряженным. – Мы должны вновь создать старую Британию, настоящую Британию, землю богов и людей.

– Но ты действовала обманом! – воскликнул я.

Плечи Нимуэ опустились.

– А кто выиграл? Король с его друидом и могучими воинами или я, маленькая, слабая девочка?

– Ты.

– Значит, это все же была сила богов! Верь, Дерфель, посвети этому всю жизнь. – Теперь она говорила страстно и уверенно. – Каждую минуту, каждое мгновение дня и ночи ты должен быть открыт богам, и они явятся тебе. – Она дотронулась рукой до моего лица. – Ты хороший, честный и такой же непоколебимый, как башня Мерлина, и будешь великим воином, Дерфель.

– Но ты хочешь следовать за Мерлином!

Я был уязвлен тем, что она не посвятит себя мне.

Она глубоко вздохнула и подняла глаза к темным стропилам задымленного потолка.

– Иногда я мечтаю выйти замуж, иметь детей, стать старой и умереть спокойно, – проговорила она задумчиво. – Но прежде я должна претерпеть три раны мудрости. Должна, Дерфель!

– Три раны? – Никогда ничего подобного я не слышал.

– Рану тела. Рану гордости. – Тут она дотронулась до чего-то у себя между ног. – И рану разума, что означает безумие. – Она умолкла, и ужас исказил ее лицо. – Мерлин вытерпел все три, и потому он такой мудрый. Я не перенесла еще ни одной, но я должна! – Она говорила горячо. – Должна, потому что избрана.

– А почему я не избран? – спросил я.

Она покачала головой:

– Ты не понимаешь, Дерфель. Я сама себя выбрала. И ты сам должен сделать свой выбор. Это может случиться с любым из нас. Вот почему Мерлин собирает найденьшей. Он верит, что сироты могут обладать особой силой.

– И у тебя они есть?

– Я вижу богов везде. И они видят меня, – просто сказала Нимуэ. – И ты увидишь, Дерфель, если станешь думать о Британии, – проговорила она убежденно. – Представь себе, что страна наша обвита лентами истончающегося тумана. Эти невидимые нити – боги. Если мы сумеем сгустить этот туман, он защитит нас и нашу землю от того, что лежит снаружи. Мерлин знает, что здесь, на Торе, священный туман самый густой, потому что боги любят это место. Но мы должны распространить туман повсюду.

– И Мерлин делает это?

Она улыбнулась:

– Сейчас Мерлин спит. И я хочу спать. Разве у тебя нет никакой работы?

– Надо считать полученную дань, – смущенно сказал я.

Кладовые были забиты копченой рыбой, кувшинами с солью, свинцовыми слитками, лоханями с каменным углем, кусками редкого янтаря и агата. Всю эту зимнюю плату к празднованиям Бельтена требовалось записать на бирках и затем отделить часть Мерлина от доли сборщиков налогов верховного короля.

– Тогда иди и считай, – сказала Нимуэ, будто ничего особенного между нами и не произошло.

И я спотыкаясь вышел из комнаты Мерлина под любопытными взглядами вернувшихся служанок Норвенны.

Пришло равноденствие. Христиане отмечали день смерти их Бога, а мы зажигали костры Бельтена. Гундлеус Силурский больше не появлялся. Гудован считал, что предложение замужества кончилось ничем, и мрачно предсказывал новую войну против северных королевств.

Мерлин не возвращался.

У наследника Мордреда прорезались зубки, и он до крови кусал грудь кормилицы Раллы. Шрамы на наших с Нимуэ ладонях превратились в тонкие белые черточки. Нимуэ никогда о них не вспоминала.

Наследника повезли в Кар-Кадарн к деду, верховному королю. Утер, должно быть, остался доволен младенцем. Весенние предзнаменования были благоприятными. Мы знали, что будущее королевства, Норвенны и Мордреда должно решаться на Высоком совете Британии, первом за последние шестьдесят лет.

Была весна, зеленели листья, и освежающаяся земля рождала светлые надежды.

Глава 3

Высокий совет собирался в Глевуме, римском городе, что лежал у реки Северн сразу же за северной границей Думнонии с Гвентом. Утер ехал туда в телеге, запряженной четырьмя быками, укрытыми зелеными попонами. Верховный король, наверное, чувствовал, что это его последняя поездка по Британии перед тем, как он пройдет сквозь Пещеру Круахана и через Мост Меча к иному миру, и потому наслаждался очарованием раннего лета, проплывающими мимо белыми кустами боярышника, затуманенными лесами, вспыхивавшими среди пшеницы алыми пятнами маков. Он часто останавливался в селениях, где осматривал земли крестьян, купался в горячих источниках и даже с удовольствием прошел целую милю пешком за устланной мехом подводой. Короля сопровождали барды, советники, доктора, хористы, свита слуг и эскорт воинов под командой начальника стражи Овейна. Одежда воинов была украшена цветами, щиты они держали перевернутыми, что означало их мирные намерения. И все же осторожный Утер знал, что острия боевых копий отточены.

Утер взял с собой и Моргану, хотя на Высокий совет женщин не приглашали. Но Мерлин отсутствовал, и король призвал Моргану. Она была его родной дочерью, и к тому же, как любил говорить Утер, в ее укрытой золотом голове больше разума, чем во всех черепах его советников. Вдобавок решалась судьба Норвенны, а Моргану отвечала за ее здоровье. Сама Норвенна осталась в Инис-Видрине, а с Морганой в Глевум отправились рабыня Себила и Нимуэ, которая твердо заявила, что берет меня.

Мне очень хотелось пойти в Глевум и увидеть рыцарский турнир, услышать бардов, но больше всего я радовался, что буду рядом с Нимуэ.

Мы вышли на три дня раньше, потому что хромая Моргану была плохим ходоком. Она шагала впереди, опираясь на посох, в поблескивающей на летнем солнце золотой маске. Отставая на два шага, сутулясь под грузом узлов, пучков сухих трав и горшков, робко поспешала Себила, рабыня из саксов. Нимуэ и я, босые, с непокрытыми головами, шли следом. На Нимуэ был накинутый на простое белое платье черный плащ, стянутый веревкой, черные волосы ее скрепляла простая булавка. Зато Моргану выглядела великолепно. Шею ее тяжелил золотой торквес, а серовато-коричневый плащ застегивался на груди двумя золотыми брошами в виде трехрогого оленя и дракона.

Солнце светило. Ровная римская дорога делала наше путешествие легким и приятным. Редкие путешественники расступались перед сверкающей золотом Морганой. Солдаты Утера уже прочесали все леса и холмы, и мы не опасались лихих людей, грабивших купцов на пустынных дорогах. Крепостные и рабы, которые нам попадались в пути, падали на колени перед Морганой, купцы сторонились, и лишь один путник осмелился не проявить почтения. Это был христианский священник со свирепо топорщившейся бородой, его окружали облаченные в лохмотья женщины. Они танцевали посреди дороги, восхваляя своего пригвожденного Бога. Священник, увидев золотую маску, закрывающую лицо Моргану, трехрогого оленя и дракона на ее брошах, попытался осыпать уродливую хромоножку градом насмешек, называя отродьем дьявола. Но что значил для дочери Игрейны и сестры Артура какой-то жалкий странствующий проповедник? Она свалила его с ног ударом посоха и продолжила свой путь, едва глянув на барахтавшегося в заросшей крапивой канаве старца и его вопящих и плюющихся женщин.

Я хотел взять с собой меч, чтобы выглядеть взрослым, но Хьюэл сказал, что мужчиной становятся не по прихоти, а по делам. Он дал мне бронзовый торквес с изображением рогатого бога Мерлина. Никто, успокоил он меня, не осмелится бросить вызов Мерлину. И все же, безоружный, я чувствовал себя бесполезным и спросил Нимуэ, почему она взяла меня с собой.

– Потому что ты мой клятвенный друг, малыш, – ответила Нимуэ.

Я был уже выше ее ростом, но в словах девушки не услышал насмешки, а только любовь.

– И потому, – добавила она, – что мы оба избранники Бела, а если он выбрал нас, то и мы должны выбрать друг друга. Таково и желание Мерлина.

– А он там будет? – оживился я.

Без Мерлина для меня и Инис-Видрин был как небо без солнца.

– Нет, – тихо ответила Нимуэ, хотя непонятно, откуда она это знала.

Глевум, как только я привык к невыносимой вони нечистот, показался мне восхитительным. Это было мое первое путешествие в настоящий римский город, и я, как новорожденный цыпленок, на все взирал с изумлением. Все девять улиц были вымощены плотно утрамбованными камнями и походили на каменные русла рек в сухой сезон. Мы с Нимуэ сбивали о камни ноги, будто неподкованные лошади. Здания выглядели так же странно, как и улицы. Наши усадьбы и дома строились из дерева, соломы, тростника и известки, а римские жилища под надежными крышами плотно лепились одно к другому и сложены были из странных узких кирпичей, которые, правда, за долгие годы осыпались, и между домами зияли щели. Окруженный стеной, город стоял у самой переправы через Северн, на границе между двумя королевствами, и потому был знаменитым торговым центром. Во дворах работали гончары, над столами, прямо на виду у всех, сгибались златокузнецы, на скотобойном дворе за рынком мычали телята, крестьяне продавали масло, орехи, кожу, копченую рыбу, мед, крашенные ткани. Но особенно меня поразили солдаты короля Тевдрика. Нимуэ сказала, что они то ли римляне, то ли бритты, выученные на римский манер. Все как один с коротко остриженными бородами, в крепких кожаных башмаках, шерстяных рейтузах под короткими кожаными юбками, красно-коричневых плащах и кожаных шлемах с гребнем на макушке, а иногда и с пучком крашенных перьев. У старших по званию поблескивали нашитые на юбки бронзовые пластины, при каждом шаге звеневшие, как коровьи колокольцы. Вооружены солдаты были короткими мечами с широкими лезвиями, длинными копьями и деревянными щитами, обтянутыми кожей, – с непременно символом Тевдрика – быком. Поначалу эти одинаковые солдаты с одинаковыми копьями и мечами, шагавшие ровными рядами в ногу, смешили меня, но после я привык.

В центре города, где на широкой площади встречались четыре улицы, шедшие от четырех ворот, меня поразило грандиозное сооружение. Даже Нимуэ открыла рот, потому что, безусловно, ни один из живущих не мог бы построить такого высокого, такого белого и с такими странными углами дома. Между коньком высокой крыши, поддерживаемой колоннами, образовалось треугольное каменное пространство с фантастической каменной картиной: каменные мужчины в каменных шлемах повергали своих врагов, лошади с парящими каменными гривами топтали их копытами. От морозов некоторые куски картины потрескались, раскололись и обвалились, но все это, несмотря ни на что, было для меня необыкновенным чудом, хотя Нимуэ, поглядев на каменную красоту, с отвращением плюнула.

– Римляне пытались быть богами, – сказала она, – вот почему боги покорили их. Совет не должен был собираться здесь.

И все же судьба королевства Утера решалась здесь, в Глевуме, и Нимуэ не могла изменить этого. К тому времени, когда мы добрались до города, верховный король уже прибыл и разместился в другом высоком доме напротив удивительного здания с колоннами. Он выделил для всех нас одну-единственную комнату в задней части дома, где дымили кухни и громко пререкались рабы. Солдаты нашего короля рядом с местными блестящими людьми выглядели толпой длинноволосых, бородатых бродяг в обтрепанных плащах, с длинными мечами, толстыми древками копий и круглыми щитами, на которых был грубо намалеван символ Утера – дракон, не идущий в сравнение с аккуратно нарисованными быками Тевдрика.

В честь приезда верховного короля за стенами города была устроена ненастоящая битва между Овейном, защитником Утера, и двумя лучшими людьми короля Тевдрика. Летнее солнце играло на длинном мече непобедимого героя Думнонии, громадного человека с татуированными руками, голой волосатой грудью, спутанными волосами и щетинистой бородой,

в которой поблескивали воинские кольца, выкованные из оружия поверженных врагов. Оба героя Гвента напали на него с такой яростью, будто битва была настоящей, а не притворной. Звон мечей долетал, должно быть, до дальнего Повиса, а толпа, собравшаяся со всей округи, ревела, как стая диких зверей, побуждая сражающихся на кровавую резню. Видя такую страсть, Тевдрик швырнул на землю свой посох, чтобы закончить битву.

– Помните, мы друзья! – сказал он, и Утер, как и подобает верховному королю, важно кивнул.

Утера принесли сюда на носилках, и он, завернутый в широкий шерстяной плащ, сидел на троне отекший и больной. Тело его вспухло от жидкости, лицо пожелтело. Утер выглядел вялым и тяжело, трудно дышал. Король Тевдрик, одетый, как римлянин, в белую тогу (дед его и в самом деле был римлянином), выглядел совсем юным, хотя печальный, мудрый взгляд делал молодого короля гораздо старше. Безбородый, с коротко остриженными волосами, высокий, худой и изящный в движениях, он сидел подле своей жены – королевы Энид, волосы которой были заплетены в странную спираль и столь ненадежно, что двигалась она осторожно и неуклюже, как новорожденный жеребенок. Лицо королевы, густо намазанное белой краской, выражало безучастность и растерянную скуку. Ее сын Мэуриг, наследник Гвента, светлый мальчишка лет десяти, сидел у ног матери и ковырял в носу, за что получал подзатыльники от отца.

После боя соревновались арфисты и барды. Цинитр, бард Гвента, пел о великой истории победы Утера над саксами в Кар-Идерне. Верховный король улыбался и кивал. Цинитр декламировал стихи о победе Овейна над тысячами саксов и женским голосом изображал мольбы саксов о пощаде, бегая по полю и трусливо припадая к земле, будто прячась. Толпа ревела и хохотала. Мне даже показалось, что я воочию вижу ненавистных саксов, слышу хлопанье крыльев воронов, прилетевших поест их плоти. Вдруг бард выпрямился во весь рост и распростерся перед тронном Утера.

Верховный король порывлся в складках своего плаща и, вытащив торквес из желтого золота, кинул его Цинитру. После бардов, когда солнце уже садилось за темную линию западных холмов, процессия девушек поднесла цветы королеве Энид. Девушки, державшие цветы для дамы Утера, стояли в растерянности, и тогда верховный король указал на Моргану, перед которой и положили ирисы и орхидеи.

– Она похожа на печеное яблоко, украшенное петрушкой, – прошипела Нимуэ мне в левое ухо.

Вечером, накануне Высокого совета, в большом зале огромного дома в самом центре города была христианская служба. Тевдрик, бывший восторженным христианином, и его люди столпились в зале, где после дождя пахло мокрой шерстью, потом и сырыми дровами. Мы с Нимуэ облюбовали пустой пьедестал, на остальных выселились статуи. Я сначала больше глядел не на христианское действо, а с интересом озираю громадный зал, который даже воробьям, угнездившимся под изогнутым потолком, казался, наверное, не римским домом, а целым большим миром. На приземистых кирпичных колоннах, покрытых когда-то белой известкой, еще сохранились остатки картин, на которых я разглядел красный контур бегущего оленя, морское чудовище с рогами и двух женщин, державших чашу.

Утера в зале не было, но епископ Бедвин помогал в церемонии.

– А что такое епископ? – спросил я у Нимуэ.

– Что-то вроде друида, – сказала она и добавила со смешком: – Только они ничего не знают.

Тут было много мужчин, входивших, выходивших, раскачивавшихся вокруг огня в дальнем конце зала.

– У них нет жриц? – снова спросил я.

– В их религии, – презрительно проговорила Нимуэ, – женщины должны подчиняться мужчинам.

Она сплюнула, и несколько стоявших рядом воинов неодобрительно покосились в нашу сторону. Нимуэ даже не шелохнулась. Она сидела, завернувшись в черный плащ и сцепив руки на коленях, подтянутых близко к груди. По ее худому лицу скользили огненные тени, а глаза блестели. Моргана нам запретила посещать христианские церемонии, но Нимуэ больше не подчинялась Моргане.

Странные жрецы произносили нараспев слова на греческом языке, который ничего не значил для нас. Они кланялись, и вся толпа вслед за ними ныряла вниз, и сотни мечей в ножах со звоном клацали о кафельный пол. Некоторые женщины, стоявшие за хрупкой белолицей королевой Энид, начали визжать и дрожать в экстазе, а священники продолжали петь. На столе лежал простой крест, которому они кланялись и на который Нимуэ посылала знаки зла, бормоча при этом защитное заклинание. Однако вскоре мы заскучали, и я захотел улизнуть, чтобы занять хорошие места на пиру, который будет дан после церемонии в доме Утера. Но тут к толпе обратился с речью молодой священник Сэнсам, и это была моя первая встреча с будущим святым.

Тогда Сэнсам был очень юным, гораздо моложе епископов, но уже считался надеждой христианского мира. Он стоял – худой, невысокий, с острым бритым подбородком и покатым лбом, над которым, словно колючая изгородь, торчали вокруг гладко выстриженной тонзуры жесткие черные волосы, пучками высовываясь из-за оттопыренных ушей.

– Вылитый Лугтигерн, – хихикнула Нимуэ.

Я рассмеялся, потому что Лугтигерн – это Мышиный Король из детской сказки, существо хвастливое, но трусливо улепетывающее при виде кошки. И все же этот Мышиный Король умел говорить. Никогда до этого я не слышал святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа, и теперь еще вздрагиваю, вспоминая, как дурно воспринял ту первую проповедь. Сэнсам стоял на столе, чтобы его могли видеть все, и я с нетерпением ждал, когда, увлекшись, он подойдет к самому краю и грохнется.

Священник вознес благодарность Богу за присутствие великих королей и могущественных принцев, пришедших послушать Евангелие, а потом сразу же начал проповедь, которая, как я осознал много позже, была самой настоящей ересью.

Остров Британия, говорил Сэнсам, любим Господом. Он опоясан благословенным морем, охраняющим нашу землю от других земель, чумы, ересей и врагов. И все же в последнее время на остров совершают набеги чужестранцы, и поля наши, амбары и деревни истреблены. Язычники-саксы захватывают земли наших предков, оскверняют могилы наших отцов, насилуют наших жен и убивают наших детей. Отчего же Бог поворачивается спиной к своим возлюбленным чадам?

Потому, гремел Сэнсам, что эти дети отказываются слышать Его святое послание, они до сих пор поклоняются дереву и камню, могилы их омыты жертвенной кровью. Да, в Британии осталось всего лишь несколько друидов, но в каждой долине, в каждой усадьбе есть люди, которые, подобно друидам, приносят в жертву мертвым камням живых существ, морочат людей заклинаниями и амулетами. До тех пор, пока христиане, тут Сэнсам нахмурился, будут идти со своими болезнями к языческим ведьмам и толкователям снов, Бог будет проклинать Британию, отдавая ее насильникам и убийцам-саксам. Он умолк, переводя дыхание, а я незаметно дотронулся до своего торквеса, потому что знал: громоподобная речь Мышиного Короля обращена и на моего хозяина Мерлина, и на мою подругу Нимуэ. Мы согрешили! И, словно услышав мои мысли, Сэнсам внезапно раскинул руки и закричал, раскачиваясь на краю стола. Короли Британии, заходил он, должны любить Христа и Его благословенную Мать. Когда вся британская раса соединится в Боге, тогда и Бог объединит Британию. И возопила толпа, требуя смерти друидов и моля Бога о снисхождении. Мне стало страшно.

– Пошли, – прошептала Нимуэ, – с меня достаточно.

Мы соскользнули с пьедестала и протиснулись сквозь толпу, заполнявшую вестибюль. Едва поспевая за Нимуэ, я опасливо прикрывал воротом плаща свой торквес. Вся площадь была залита бушующим пламенем факелов. Накрапывал мелкий дождичек. Застыли неподвижно стражи Тевдрика. Нимуэ остановилась в самом центре площади и вдруг начала смеяться. Смех ее, поначалу тихий, заклокотал в горле яростью, потом перешел в дикий вой, вознесшийся над крышами Глевума, и превратился в пронзительный визг, словно предсмертный крик загнанного в угол зверя. Ни один солдат не шевельнулся. Некоторые христиане гневно глядели на нас, но никто не вмешался. Даже христиане узнавали того, кто отмечен богами, и не осмеливались поднять руку на Нимуэ.

Она умолкла так же неожиданно и опустилась на камни. Крошечная сжавшаяся фигурка под черным плащом.

– О малыш, – пролепетала она слабым голосом, – о мой маленький.

Но меня, должен сознаться, больше занимал запах жарящейся свинины, что шел от дома Утера. Нимуэ протянула руку, и я поднял ее на ноги.

– Мы должны бороться, – тихо сказала она, – иначе боги покинут нас, а те дураки, Мышинный Король и его последователи, превратят нас в скотов. Но их так много, а нас так мало.

Я не знал, что ответить. Хоть я и был найденыш Мерлина и дитя Бела, умения управляться с миром духов у меня не было.

– Бел нам поможет. Ведь он любит нас? – с надеждой спросил я.

– Любит? – Она отдернула руку. – Боги не обязаны любить нас! И что ты знаешь о любви, Дерфель, сын сакса?

– Я знаю, что люблю тебя!

Я выпалил эти слова и вспыхнул.

– Знаю, – улыбнулась Нимуэ. – А теперь идем, нас ждет пир.

Сейчас, когда на исходе жизни в монастыре на холмах Повиса я пишу все это, Нимуэ встает перед моим взором не той, какой она стала потом, а полной огня, быстрой и смелой. Я обрел Христа, но потерял то, что потеряли все мы. А мы потеряли все.

Пир был прекрасным.

* * *

Высокий совет начался поздним утром в большом зале, освещенном факелами. Лучи весеннего солнца не могли проникнуть в маленькие, высоко расположенные окошки, которые скорее походили на отверстия для выхода дыма.

Утер, верховный король, восседал на возвышении. Тевдрик Гвентский, хозяин Совета, сидел ниже Утера, по обеим сторонам его трона, на стульях, укрытых попонами, расселись с дюжину королей и принцев, плативших дань Утеру или Тевдрику. Подле них находились щиты с эмблемами собственных королевств. Принц Кадви из Иски был тут, и король Мелвас из Белга, и принц Герайнт, Хозяин Камней, а Кернов, дикое королевство на далеком западном мысе Британии, прислало своего наследного принца Тристана, который сидел в отдалении, завернувшись в волчий мех.

Было время, когда у королевского помоста стояли тридцать три щита, но сейчас одни племена Британии воевали друг с другом, другие погибли в Ллогре от клинков саксов. Не появились на Совете посланцы Повиса и Силурии, враждебных к Думнонии и Гвенту.

Перед королями, прямо на полу, подстелив одеяла, сидели судьи и советники. За ними стояли вооруженные воины, некоторые с охотничьими собаками. Я жался к ним. Бронзовый торквес с головой Цернунна служил мне пропуском в Совет.

Здесь же были, вопреки недовольному ворчанию мужчин, две, только две женщины. Перед Утером разместились Моргана. Нимуэ, невозмутимо прошедшая сквозь толпу стоящих

и сидящих мужчин, уверенно села рядом с ней, но Моргана сделала вид, что не замечает своей молодой соперницы.

Высокий совет начался, как и принято, с молитвы. Будь здесь Мерлин, он бы призвал богов. Но епископ Конрад Гвентский вознес молитву христианскому Богу. Сэнсам, сидевший в рядах советников Гвента, кинул свирепый взгляд на женщин, даже не склонивших головы во время молитвы. Он знал, что они посланницы Мерлина.

После молитвы шаг вперед сделал защитник Думнонии, звероподобный Овейн, победивший два дня назад пару лучших людей Тевдрика. Выхватив меч и передернув могучими плечами под плащом из волчьей шкуры, он прорычал:

– Кто-нибудь оспаривает право Утера на высокий трон?

К его огорчению, никто не откликнулся. Тогда, вложив меч в ножны, Овейн грузно опустился на пол.

Новости Британии от имени верховного короля сообщил епископ Бедвин. Угроза саксов с востока Думнонии уменьшилась, но досталось это очень высокой ценой. Принц Мордред в час победы был убит. Имени Артура епископ не упомянул, хотя именно Артур вырвал почти упущенную Мордредом победу. Саксы, пришедшие с земель племени катувеллаунов, согласились платить дань золотом, пшеницей, быками.

– Будем молить Господа, – вмешался король Тевдрик, – чтобы саксы и вовсе были изгнаны с этих земель!

В ответ на его слова воины ударили копьями о мозаичный пол. Собаки завыли.

– На севере Думнонии, – спокойно продолжал Бедвин, – благоденственный мир благодаря многомудрому договору о дружбе между великим верховным королем и благородным королем Тевдриком. На западе, – Бедвин с улыбкой обернулся к молодому принцу из Кернова Тристану, – тоже мир. Впрочем, мы понимаем, что Марка, короля Кернова, сейчас занимает его последняя жена, – поспешно добавил Бедвин, вызвав в толпе смешки.

– Какая это жена? Четвертая или пятая? – насупился Утер.

– Думаю, мой отец и сам сбился со счета, великий повелитель, – смущенно пробормотал Тристан, и зал взорвался от хохота.

Следующим говорил военачальник Тевдрика, старый Агрикола. Этот стриженный воин с чисто выбритым, испещренным шрамами суровым лицом, в короткой алой тунике и серебряных латах славился не только своим римским именем, но и верностью римским обычаям. Агрикола предупредил, что у саксов появился новый военачальник по имени Элла. Мы даже не представляли себе, как часто это имя будет преследовать нас.

– Бритты, Горфиддид Повисский и Гундлеус Силурский, собираются напасть на нас.

Тут Агрикола показал на два пустующих стула и заявил, что придется, наверное, идти войной на этих северных соседей, если не будет с ними мира. Утер кивнул, давая согласие.

– Также я слышал, – продолжал Агрикола, – что западным границам Повиса и Силурии грозят ирландские захватчики.

– О Силурии буду говорить я, и больше никто!

Все головы повернулись к двери, откуда донесся этот звучный, уверенный голос. В зал вошел силурский король Гундлеус. Он несколько не был смущен и держался героем, хотя его воины совершали набеги на землю Тевдрика и не давали покоя стране Утера, угрожая со стороны моря Северн. За спиной Гундлеуса шаркал сгорбленный друид Танабурс, и сухие свинячьи хвостики, вплетенные в его длинные волосы, сухо постукивали. Я весь сжался и постарался спрятаться, вспомнив о яме смерти.

За Танабурсом вышагивала свита Гундлеуса с длинными, вложенными в ножны мечами, тела их были туго обернуты алой материей. Эти высокие длиннородые воины с заплетенными в косички волосами и кончиками усов потеснили остальных стражей и стали плечом к плечу, будто пришли не на Высокий совет, а вклинились в стан врагов. Танабурс, подобрав свой

грязно-серый плащ, вышитый полумесяцами и бегущими зайцами, втиснулся между советниками.

– Подойди, Гундлеус ап Мейлир, король Силурии, – приказал Утер.

Поднявшись на помост, Гундлеус поцеловал протянутую руку верховного короля, поставил подле других щитов свой с гербом – маской лисицы и сел, весело и вызывающе оглядывая зал, приветливо кивая, улыбаясь, бросая короткие слова приветствия. На самом деле все, к кому он обращался, были здесь его врагами. Заметив двух женщин, Гундлеус удивленно поднял брови, и мне показалось даже, что в глазах его мелькнула угроза, когда он смотрел на Нимуэ. В ответ на просьбу Тевдрика поведать о делах его королевства Гундлеус улыбнулся и сказал, что в Силурии все спокойно.

Всех дел этого дня не перечислить. Споры были длинными, разбирательства запутанными, но постепенно разногласия улеглись, вспыхнувшие ссоры были погашены, и все разрешилось миром. Советом руководил Тевдрик, но он каждый раз кидал взгляд на Утера, ожидая его решения, ловя его чуть заметный жест.

Утер, которому при каждом приступе кашля раб подносил сделанный Морганой из копыта жеребенка и меда напиток, сохранял остатки сил для самого важного дела этого дня, которое должно было начаться после заката. Наконец сумерки сгустились. По крыше застучал сильный дождь, и струи воды, проникая сквозь прорехи кровли, потекли по сырým, грубо отесанным каменным стенам. Стало холодно. Слуги Тевдрика внесли в зал горящие факелы. Железная корзина, полная пылающих дров, не могла дать много тепла, и жаровню эту переместили поближе к ногам Утера. Едкий дым крутился под потолком, ища выход наружу.

Наконец Утер с трудом встал, опираясь на огромное кабанье копьё. Дым струился вокруг него, размывая очертания грузной фигуры, и казалось, что это душа его, ставшая уже тенью, уплывает в иной мир.

– Я стар, – сказал Утер, – и не проживу долго. А если падет от руки саксов Думнония, падет и вся Британия. Саксы разделят ее земли, а разделенные земли выжить не смогут. – Он устало замолчал. Потом снова поднял голову и заговорил твердым голосом: – Саксы не должны достигнуть моря Северн! Иначе они отделят Думнонию от Гвента. Мужчины Гвента самые великие наши воины. – Утер кивнул в знак уважения Агриколе. – Но Гвент живет на хлебе Думнонии, и потому, если не выживет Думнония, Британия будет потеряна. Когда я умру, всем королевством должен править мой внук Мордред!

Сверкнув глазами, он стукнул копьём по платформе.

Все поняли, что королевство не уйдет из рода Утера. Оставалось решить, кто будет править, пока ребенок-калека не станет взрослым. Начался спор. Претендентов на руку Норвенны было много. Предлагали и Мэурига ап Тевдрик, наследного принца Гвента, и Кунегласа, наследного принца Повиса, и принца Кернова Тристана, и даже принца Мериадока, властителя наполовину завоеванного саксами королевства Стронг-Гор. Но разве мог человек, не удержавший свои земли, сохранить другое государство?

Гундлеус? Все обернулись к нему, ожидая услышать это имя. Но тут Агрикола назвал того, кого почти каждый в зале втайне желал видеть на троне Думнонии.

– Артур, – сказал Агрикола. – Я предлагаю Артура.

И радостным стуком древков копий по полу откликнулись воины Думнонии, познавшие в битвах цену Артура. Но Утер Пендрагон, верховный король Британии, опустил свое копьё. Наступила мгновенная тишина.

– Артур ап Неб, – сказал Утер.

Вздых испуганного удивления прошелестел по залу, потому что Неб означало «ничей». Утер отказывал Артуру в своем отцовстве, а если в нем нет королевской крови, то и не может он жениться на Норвенне.

Опять встал епископ Бедвин.

– Гундлеус Силурский, – мягко сказал он, – заключил мир с верховным королем, и теперь Утер был бы доволен, если бы Гундлеус женился на Норвенне и стал защитником королевства Мордред. А следующим утром Гундлеус обещал публично креститься в реке Северн.

Присутствующие христиане закричали: «Аллилуйя!» А злобный старец друид Танабурс, за которым я внимательно наблюдал, даже не шелохнулся при известии о том, что его хозяин публично отрекается от своей религии.

Однако Утер не был таким глупцом, чтобы до конца поверить прежнему врагу, и постарался защитить будущее своего внука.

– Пока Мордред не достигнет того возраста, когда сможет поднять меч, – провозгласил Утер, – он будет иметь трех защитников, отвечающих за жизнь мальчика своей собственной жизнью.

Король Тевдрик Гвентский был объявлен одним из них, вторым назван Овейн, и Мерлин, правитель Авалона, стал третьим.

Мерлин. Люди ждали этого имени, как жаждали имени Артура. Но Мерлина уже много месяцев не видели в Думнонии. Может, он мертв? И тогда Утер в первый раз посмотрел на Моргану. Здесь она была не дочерью Утера, хоть и незаконной, а доверенной жрицей Мерлина. И потому после того, как Тевдрик и Овейн поклялись смертной клятвой, эта одноглазая, изувеченная женщина должна была принять на себя высокую ответственность. Она этого не сделала. Ответ ее был неясным:

– Моему господину Мерлину оказана честь таким предложением, верховный король.

И тут Нимуэ закричала так жутко и так внезапно, что воины вздрогнули, а шерсть на загривках собак встала дыбом. Пронесшимся вихрем закрутило дым, и он потянулся в прорехи крыши, откуда струйками сочился дождь и стучал по мозаичному полу. Глухой шум ночной бури разразился резким ударом грома.

Христиане перекрестились. Даже они не сомневались, что это Таранис, бог грома, явился на Высокий совет по зову маленькой девочки, одетой, несмотря на холод, лишь в легкое белое платье, перетянутое ремешком рабыни.

Все замерли. Здесь больше не было ни королей, ни воинов, ни священников, ни старых мудрых людей, а только испуганная толпа, в благоговейном страхе взиравшая на юную девушку. Вынув заколку из волос, рассыпавшихся черной волной по ее худенькой белой спине, Нимуэ двинулась к ораторскому месту рядом с жаровней. И каждый мог видеть ее лицо – маску ужаса. Глаза ее были белыми, язык вывалился из искривленного рта. Она вертелась, словно ввинчиваясь в расступавшуюся толпу, и казалось, вот-вот упадет в бурлящее пламя жаровни. Но Нимуэ завизжала и рухнула на мозаичный пол, потом ловко, будто зверек, встала на четвереньки и поползла между щитами. Вдруг перед щитом Гундлеуса она взвилась змеей и плюнула, угодив прямо в герб – ощерившуюся лисью морду.

Разгневанного Гундлеуса жестом остановил Тевдрик. А Нимуэ задрожала, глаза ее с вывороченными белками снова закатились, из горла вырвался пронзительный визг. И почти тут же она обмякла, мы снова увидели ее темные зрачки. Девушка замерла, будто одеревенела, и это значило, что боги говорят с ней, а через нее – с нами.

– Мерлин жив? – тихо спросил Тевдрик.

– Жив.

Нимуэ отвечала королю, как простому смертному, потому что сейчас она была с богами.

– Где он?

– Ушел искать Знание Британии.

– Что есть Знание Британии? – спросил верховный король.

Нимуэ отвечала идущим изнутри поющим голосом:

– Знание Британии – закон наших предков, дары богов. Мерлин соберет тринадцать частей Тринадцати Сокровищ, и они дадут силу связать воедино эту землю. – Нимуэ смотрела

прямо в маленькие злые глаза Сэнсама. – И если повелителю Мерлину не удастся сделать это, – она повернулась к верховному королю, – мы все умрем.

Сэнсам и христиане возроптали, но христианский король Тевдрик мановением руки утихомирил их.

– Это слова Мерлина? – недоверчиво спросил он.

Нимуэ пожала плечами. Утер склонил вперед свое тяжелое тело. Он знал, что этот ребенок не может говорить от себя.

– Спроси Мерлина, станет ли он давать клятву? Спроси, станет ли он охранять моего внука?

Нимуэ помедлила, будто собиралась скрыть больше, чем сказать.

– Мерлин обещает, мой повелитель, – наконец произнесла она. – Он дает смертную клятву защищать твоего внука.

Вдруг закопошилась Моргана. Она нависла над Нимуэ. Свет факелов скользил по ее золотому шлему.

– Пока! – выкрикнула она, покачиваясь, будто и с ней говорят боги. – Пока Артур будет делить с ним эту клятву. Артур и его люди должны быть защитниками твоего внука. Так говорит Мерлин.

Слова жрицы, привыкшей быть оракулом, заставили Гундлеуса вскочить с места.

– Нет! – закричал он.

Но в этот момент Тевдрик сошел с помоста и встал рядом с Морганой. И всем стало ясно, что королю Тевдрику Гвентскому сегодня важнее старые боги, чем его христианский Бог.

– Артур ап Неб и его воины, – сказал Тевдрик, – будут лучшей защитой, чем любая клятва.

Утер все еще колебался. Три – счастливое число, и добавление четвертого могло навлечь недовольство богов. Но Тевдрик в угоду Утеру отверг притязания Артура на руку Норвенны, и теперь надо было вернуть долг.

– Пусть Артур даст клятву, – согласился Утер, и только боги знали, как трудно было ему принять человека, которого он считал виновником гибели своего любимого сына.

Зал одобрительно загудел. Молчал один Гундлеус Силурский.

Так закончился Великий совет, и Артур, ничей сын, был выбран одним из клятвенных защитников Мордреда.

Глава 4

Через две недели после Высокого совета в христианском храме Абоны Норвенна и Гундлеус поженились. В тот же самый вечер Норвенна вернулась в Инис-Видрин. Никто из нас, живущих там, на церемонию не пошел, хотя принцессу сопровождал целый отряд монахов. Вернулась она к нам уже как королева Норвенна Силурская, но высокая честь эта не добавила ей служанок и не увеличила охраны.

Наша жизнь на Торе почти не изменилась от того, что среди нас была королева. Мы резали солому, стригли овец, замачивали лен в прудах. Все женщины, кроме королевы, Морганы и Нимуэ, сидели за веретенами и прялками. Друидан кастрировал свиней. Пеллинор командовал воображаемыми армиями, а управляющий Хьюэл строгал длинные палочки, чтобы считать летний оброк. Мерлин так и не вернулся и не прислал о себе никаких вестей. Утер оставался в своем дворце в Дурноварии, а его наследник Мордред рос под опекой Морганы и Гвендолен.

Артур оставался в Арморике, выполняя свои обязательства перед Баном, королем Беноика. Никто из Инис-Видрина никогда не переплывал моря, не бывал в этом королевстве, и потому оно было для нас тайной. Король Беноика и его жена, королева Элейна, по слухам, создали удивительное государство, где правосудие вершилось быстро и справедливо и где самый бедный человек был накормлен в зимнее голодное время из королевских складов. Все это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой, хотя впоследствии, посетив островную крепость Инис-Требс, столицу Беноика, я обнаружил, что восторженные рассказы путешественников вовсе не были преувеличением.

Артур со своими воинами помогал Бану держать врага далеко от стен города, и потому король не желал отпускать его в Британию. Или, может быть, Артур и сам не желал появляться в Думнонии, пока Утер был жив.

В Думнонии то лето было блаженным. Сжатые рожь и ячмень стеганым одеялом укутывали поля между болотами Авалона и Кар-Кадарном. В восточных садах ветки яблонь ломились от плодов. Угорь и щука жирели в заливах. Не было ни чумы, ни волков, и саксы появлялись чрезвычайно редко. Даже соседний Повис был спокойным. Все говорили, что Артур просто умрет от скуки, если приведет своих славных всадников в Думнонию.

И все же этим летом, этим спокойным летом случилось самое страшное. Утер, верховный король и пендрагон Британии, умер. Мы знали, что он болен, что приготовился к смерти, и все же надеялись, что этот момент никогда не настанет. Утер был королем бесконечно долго, при нем Думнония расцвела, и все рухнуло разом, когда перед самым сбором урожая он умер. Бедвин предпочел бы устроить верховному королю христианские похороны, но остальная часть Совета воспротивилась такому кощунству. Разбухшее тело Утера предали огню на вершине Кар-Маэса. Его меч расплавили и стружкой вылили в озеро, чтобы Гофаннон, бог-кузнец иного мира, смог выковать новый меч для возрожденной души Утера.

Епископ Бедвин послал своих самых быстрых вестников на юг Арморики, чтобы призвать Артура, а медленных посланцев отправил на север, в Силурию, – рассказать Гундлеусу, что королевство его приемного сына нуждается в защитнике, и напомнить о данной Утеру клятве.

Костер Утера горел три ночи. И только после этого пламени позволили угаснуть. Но огненные языки еще долго лизали пепелище, потому что с Западного моря налетела мощная буря и ветер раздувал и раздувал костер. Густые облака заволокли небо. Молнии боронили землю, и сильные струи дождя косили едва возросшие колосья. Все мы в Инис-Видрине попрятались в хижины и со страхом слушали рычание грома и барабанную дробь дождя по тростниковым крышам.

Невзирая на ураганный ветер, бурю и ливень, в знак того, что Мордред стал теперь королем Думнонии, над его домом водрузили знамя королевства с драконом, вышитым красной шерстью по белому полотну. Квадратное знамя это было растянуто на ивовых прутьях и прикреплено к длинной палке из вяза. На самом деле Мордред не был еще настоящим королем и не мог стать им, пока его не отвезут в Кар-Кадарн, а там мечом и приветственными криками не коронуют над королевским камнем.

Первые дурные вести пришли с севера. Горфиддид Повисский, прослышав о смерти верховного короля, послал своих копьеносцев напасть на Гвент. Люди Повиса жгли, грабили и захватывали пленников в сердце земли Тевдрика. Агрикола по мере сил отражал атаки, но в союз с Горфиддидом вступили саксы и тоже привели свои военные отряды в Гвент. Овейн, который должен был сопровождать Норвенну и младенца на юг, в Дурноварию, вместо этого повел своих воинов на север помогать королю Тевдрику. А Лигессак, бывший начальник стражи Мордредда, настоял, чтобы Норвенна осталась на Торе, в защищенном земляным валом Инис-Видрине.

Гундлеус Силурский заявил, что берет сторону Тевдрика и придет на юг, чтобы защитить свою молодую жену и королевского сына. Мы ждали. День и ночь люди следили за дальними холмами, не зная, чьи сигнальные огни они увидят – спасителей или врагов? Норвенна, хотя и вынуждена была оставаться на языческом Торе, казалась спокойной и веселой: ее сын – король, и пока ему ничто не угрожает. Рыжеволосый малыш Мордред был мрачным, упрямым ребенком, но в те тихие летние дни тоже выглядел довольным и счастливым. Он ползал голышом на солнце, и все могли видеть, как искалечена его левая ступня, напоминавшая сжатый кулак. Но в остальном он был сильным и здоровым, возвращаемый на молоке кормилицы Раллы и любви своей матери.

Пришли известия, что Гундлеус Силурский уже на пути к нам и готов забрать свою молодую жену и ее драгоценного сына. Настало время, будто бы сказал Гундлеус, провозгласить Мордредда королем в Кар-Кадарне.

– Скажи Бедвину, – приказала гонцу обрадованная Норвенна, – что мы провозгласим Мордредда до сбора урожая. И пусть Бог ускорит бег твоего коня.

Она властно запретила Моргане и Нимуэ ехать в Кар-Кадарн, потому что, заявила королева, Думнония будет христианским королевством и языческих ведьм станут теперь держать вдали от трона и ее властительного сына. Обе женщины восприняли запрет на удивление спокойно. Моргана просто пожала плечами. Но этим же вечером на закате она принесла в комнату Мерлина бронзовый котел и там уединилась вместе с Нимуэ. Они не любили друг друга и все же теперь заперлись вместе. Я подозревал, что только дело страшной важности могло быть причиной такого примирения. А Норвенна была безмятежно счастливой. Мы никогда не видели ее столь радостной, эту христианку в сердце языческого дома Мерлина.

Но явились Моргана и Нимуэ. Они с надлежащей скромностью преклонили колени перед сидящей Норвенной. Потом Моргана заявила, что гонец Гундлеуса лгал. Она и Нимуэ, сказала Моргана, заглядывали в котел и видели правду, отраженную в водяном зеркале. Победы на севере не было, и все должны быть готовы покинуть Тор, как только начнет светать, – надо искать спасения на юге, в глубине Думнонии. Норвенна молча слушала мрачное пророчество и вдруг начала плакать, бурные слезы неожиданно вызвали взрыв гнева.

– Ты просто уродливая, изувеченная ведьма! – завопила она на Моргану. – Хочешь, чтобы твой брат-бастард, безродный Артур, был королем! Не будет этого! Мой ребенок – король!

– Высокородная леди... – попыталась вмешаться Нимуэ.

– Ты – никто! – дико вскричала Норвенна. – Уходите! Обе!

Она буквально выплескивала свою ненависть на Нимуэ и Моргану, истерически стуча по столу кулаком.

На следующее утро как бы подтвердилась правота Норвенны. На северных склонах не было никаких сигнальных огней, предупреждающих об опасности. И этот день был особенно красив. Земля была отяжелена рожденными ею плодами. Холмы затуманены дремотным теплом, а небо почти безоблачно. В зарослях колючих кустарников у подножия Тора цвели маки и васильки, а в теплых воздушных потоках парили белые бабочки.

Норвенна пела утренние молитвы с приходящими монахами, а потом объявила, что уезжает с Тора и будет ждать своего мужа в кельях пилигримов в храме священного терновника.

– Я слишком долго жила среди грешников, – заявила она.

И тогда-то с восточной стены раздался предупреждающий крик стражника:

– Всадники!

Норвенна побежала к забору – там уже собралась толпа, глазевшая на отряд всадников, скакавших по земляному мосту, который вел с римской дороги к зеленеющим холмам Инис-Видрина. Лигессак, начальник стражи Мордред, казалось, заранее знал, кто приближается к нашим стенам, и потому не раздумывая приказал своим людям пропустить подъезжавший отряд. Всадники пришпорили коней. Они приближались к нам под знаменем с ярко-алой мордой лисы. Это был сам Гундлеус, и Норвенна, увидев своего мужа, радостно засмеялась.

– Ты видишь? – обернулась она к Моргане. – Твой котел лгал.

Мордред, взбудораженный этой суматохой, начал плакать, и Норвенна резко приказала Ралле взять его на руки. Затем она потребовала, чтобы принесли ее лучший плащ, а на голову надели золотой обруч. Теперь, принаряженная, королева ждала своего короля перед дверьми дома Мерлина.

Лигессак открыл ворота в земляном валу Тора. Слабосильная стража Друидана кое-как выстроилась в неровную линию, а бедный безумный Пеллинон пронзительно кричал и метался в своей клетке. Нимуэ побежала к комнатам Мерлина, а я отправился за Хьюэлом, управляющим Мерлина, который спешил поприветствовать короля. Этот одноногий старик с огромным мечом на боку всматривался в приближавшихся всадников и вдруг нахмурился, увидав в их рядах друида Танабурса.

– Я думал, Гундлеус отказался от старой веры, – пробурчал он.

– А я думал, он отказался от Лэдвис! – хихикнул писец Гудован. Он кивнул в сторону силуров, карабкавшихся по крутой узкой тропе Тора. – Видите?

Я действительно разглядел среди мужчин в кожаных доспехах женщину. Она была в мужском наряде и даже с мечом в руке, но на ветру свободно развевались ее длинные черные волосы. Гудован снова хихикнул:

– Нашей маленькой королеве придется как следует постараться, чтобы перебороть это отродье сатаны.

– Кто сатана? – наивно спросил я и тут же получил здоровенный пинок от Гудована.

Хьюэл все еще хмурился, глядя на силурских воинов, преодолевавших последние каменные ступени, и рука его сжимала рукоять меча. Вдруг, будто какая-то неведомая сила толкнула его, он подался вперед и закричал:

– Лигессак! Закрой ворота! Закрой! Сейчас же!

Лигессак приложил руку к уху, будто не расслышал слова Хьюэла, и вопросительно взглянул на Норвенну.

– Это мой муж, – проговорила королева. – Муж, а не враг. Оставь ворота открытыми, – властно приказала она Лигессаку.

Тот почтительно поклонился.

Хьюэл с проклятиями, постукивая костью, заковылял к хижине Морганы, а я остался на месте и с любопытством глазел на эти залитые солнцем ворота. Хьюэл исчез в хижине Морганы, а оттуда выбежала Себила с завернутым в золотое покрывало Мордредом на руках и

встала рядом с Норвенной. Молодая королева была озадачена тем, что ребенка держит сакская рабыня, а не Ралла, но времени выспрашивать у нее не было. Король уже находился рядом.

Гундлеус, взбравшийся на крутой Тор в тяжелых военных доспехах, вспотел и слегка задыхался. На нем были кожаная нагрудная пластина, подбитые мягкой материей брюки, высокие башмаки, железный шлем, увенчанный лисьим хвостом, и плотный красный плащ с закинутой на плечи длинной полой. Щит его, украшенный гербом с изображением лисицы, висел на левом боку, меч был у правого бедра, а в руке сверкало наконечником тяжелое боевое копьё. Норвенна подняла полные руки, чтобы встретить и обнять своего повелителя, и Гундлеус шагнул вперед.

– Я вручаю тебе мой меч, дорогая королева, – сказал он звенящим голосом, и лицо Норвенны озарилось улыбкой.

Гундлеус отшвырнул копьё и вытащил меч, но вместо того, чтобы протянуть его Норвенне рукоятью, направил острие к ее лицу.

– Я радуюсь твоему возвращению, мой дорогой повелитель, – произнесла она обязательное приветствие и опустила перед ним на колени, как того требовал обычай.

– Поцелуй меч, который будет защищать королевство твоего сына, – приказал Гундлеус.

Норвенна подалась вперед, чтобы дотронуться губами до сверкающей стали, как вдруг Гундлеус с силой вонзил ей в горло острие клинка. Он смеялся, убивая свою молодую жену, смеялся, когда широкое лезвие мягко вошло в ее горло, и продолжал смеяться, когда ее окровавленное тело корчило на земле. Кровь сочилась с лезвия меча, кровь окропила траву, кровь проступила на голубом плаще королевы.

Себила, державшая на руках ребенка, уронила его и с криками умчалась прочь. Мордред заплакал, но меч Гундлеуса мгновенно вонзился в крохотное тельце, и золотая ткань окрасилась алым цветом.

Всадники Гундлеуса с копьями наперевес рассыпались по городу, и Лигессак неожиданно для всех присоединился к силурам и помогал копыеносцам убивать своих соотечественников. Силурские солдаты сделали кровавую работу быстро и ловко. Стражники Мордред и несчастные воины Друидана были перебиты. Впервые в жизни я видел людей, умирающих на копьях, и слышал ужасные крики несчастных, чьи души отлетали в иной мир.

Норвенна и Мордред были мертвы. Враги устремились к башне Мерлина. Моргана, подсакивая, бежала в сторону морских ворот. Толпа женщин, детей и рабов устремилась следом за Морганой. Ралла, Себила и те из уродцев Друидана, что сумели увернуться от разящих мечей силуров, рассыпались по Тору. Пеллинол, голый, радостно и бессмысленно вопивший, подпрыгивал в своей клетке. Хромой Хьюэл храбро обнажил меч.

Я спрыгнул с крепостного вала и побежал к дому. Смелым я не был, но просто любил Нимуэ и хотел убедиться, что она в безопасности. Вдруг маленькая рука схватила меня и с поразительной силой потащила в укрытие за корзинами с праздничными нарядами.

– Ты не можешь помочь ей, дурень, – раздался у меня над ухом тоненький голосок Друидана. – Замри!

Гундлеус и Танабурс вошли в дом. Через распахнутые двери я видел, как король, его друид и еще трое мужчин в шлемах решительно шагали к дверям комнаты Мерлина. Танабурс ногой открыл небольшую дверцу, и они с копыеносцами исчезли внутри.

Я слышал, как смеялся Гундлеус, как силуры, раскидывая вещи, рылись в корзинах и коробах. И вдруг закричала Нимуэ. Это был дикий крик боли и тоски.

– Это отучит тебя плевать на мой щит, – послышался сквозь рыдания Нимуэ грубый голос Гундлеуса.

И новый вопль Нимуэ.

– Они ею попользовались, – хихикнул Друидан.

Только боги знали, что они сделали с Нимуэ, потому что она так никогда и не рассказала об этом. Но никаких рассказов и не требовалось. Они сделали то, что обычно творили солдаты с пленными женщинами, и оставили ее истекающей кровью и полупомешанной. А когда они обнаружили, что сокровищница Мерлина набита заплесневелой чепухой, а не золотом, ткнули головешку из костра в разоренные корзины. Из двери повалил дым. Я закутал голову полой куртки и ринулся сквозь удушающий дым в комнату Мерлина. Нимуэ лежала ничком, обхватив руками голову. Кровь заливала ее обнаженные ноги. Дым перехватывал дыхание, языки пламени плясали над коробками, пронзительно кричали кошки, со свистом хлопая крыльями, носились под потолком летучие мыши.

– Пойдем! – отчаянно вскричал я.

Нимуэ не двигалась.

Я подбежал к двери, ведущей в башню Мерлина, надеясь отыскать хоть какой-нибудь выход. Но, открыв дверь, обнаружил, что она ведет в замкнутую, без единого выхода, комнату. Мельком я успел заметить, что башня была совсем пуста, ничего, хоть отдаленно напоминающего таинственную сокровищницу. Голый земляной пол, четыре деревянные стены и дыра в кровле. Это была комната, открытая небесам, однако сквозь сгущающуюся пелену дыма я увидел на полпути к дымовому отверстию деревянную площадку, к которой вела прочная лестница. Сидя на этой площадке, Мерлин слушал шепот богов. Какое-то мгновение я смотрел на это священное место, но дым все усиливался, и это заставило меня действовать. Я бегом вернулся к Нимуэ, схватил с лежанки черный плащ и завернул в него мою подругу, словно большое животное. Вскинув на плечи узел с ее легким телом, я стал пробираться к двери. Огонь теперь ревел, и красные языки пламени жадно лизали сухое дерево стен. Из глаз моих лились слезы, легкие разрывало от дыма, повисшего в проеме двери. Я выломал кусок штукатурки, отогнул ивовый каркас, ударом ноги проделал в тухлявой стене дыру и протиснулся наружу. Свежий воздух, казалось, оживил Нимуэ. Она соскользнула с моего плеча и отняла руки от лица. Увидев, что сотворил с нею Гундлеус, я понял, почему так страшен был ее последний крик. Вместо глаза на ее лице зияла пустая впадина, заполненная кровью. Нимуэ снова закрыла рану окровавленной ладонью. Я схватил ее за свободную руку и потянул к ближайшей хижине.

Один из людей Гундлеуса увидел нас – разъяренный предводитель силурских воинов закричал, что ведьму надо взять живьем и кинуть в огонь. Началась погоня. Добежав до ближайшего пролома в частоколе, я обнаружил мертвого Хьюэла, добряка Хьюэла, он лежал рядом со сломанным костылем и с обнаженным мечом в руке. Я выхватил из его безжизненной руки меч и потащил Нимуэ вперед.

Мы домчались до крутого южного склона и съехали по скользкой траве. Нимуэ ошалела от боли, а я был вне себя от страха. Оказавшись у подножия Тора, мы, спотыкаясь, протаскились мимо святого колодца, миновали сад христиан и через ольховую рощу сбежали вниз к тому месту, где рядом с рыбацкой хижинкой стояла болотная лодка Хьюэла. Я толкнул Нимуэ в легкую, сделанную из связанных пучков тростника лодочку, оттолкнулся от деревянной пристани ясеновой палкой и направил лодку к расширяющемуся руслу реки. Люди Гундлеуса бежали вдоль деревянного помоста, пытаясь настичь нас, но я повернул лодку в сторону притока. Лигессак выпустил стрелу, однако мы были уже далеко, и стрела бесшумно погрузилась в темную воду. Позади нас виднелась вершина Тора – языки пламени плясали над крышами хижин, жадно пожирая соломенные кровли, черный дым курился над домом и башней Мерлина, поднимаясь в голубое небо.

Нимуэ свернулась калачиком на носу лодки, прикрывая одной рукой пустую глазницу.

– Я претерпела две раны мудрости, Дерфель, – прохрипела она. – Рану тела и рану гордости. Осталось столкнуться с безумием, и я стану такой же мудрой, как Мерлин.

Дикая улыбка исказила ее лицо, и мне показалось, что она уже заклята безумием.

– Мордред мертв, – сказал я, – мертвы Норвенна и Хьюэл.

Нимуэ, казалось, не слышала. По-моему, ее охватил восторг оттого, что удалось пройти две ступени на пути к мудрости.

Я повернул лодку в озеро Лиссы, огромное черное озеро на южной окраине болот. Там был Замок Эрмида, как называлось небольшое деревянное селение, усадьба вождя племени Эрмида. Его люди, надеялся я, помогут нам. Затем мы будем пробираться на юг, пока нас не скроет ночь или не встретятся друзья.

Наша тростниковая лодка скользила вдоль затененного деревьями причала Эрмида, когда я увидел других беглецов с Тора. Тут были и Моргана с Себилой, и Ралла с плачущим ребенком на руках. Была тут и Линет, ирландская девушка, которая рванулась к берегу, чтобы помочь Нимуэ. Никто не знал, что произошло с беднягой Пеллинором и Друиданом. Невдалеке столпились три плачущие служанки Норвенны, дюжина испуганных найденышей Мерлина и горстка изувеченных солдат Друидана.

– Нам нельзя оставаться здесь, – сказал я Моргане, – они ищут Нимуэ.

– Они ищут не Нимуэ, дурачок, – резко ответила Моргана. – Им нужен Мордред!

– Мордред мертв! – воскликнул я.

Моргана выхватила из рук Раллы ребенка и сдернула с него лоскут грубой коричневой материи. Я увидел ногу с изуродованной ступней.

Онемевший, я уставился на Раллу и ее мужа Гвилиддина, не понимая, как они могли позволить своему собственному сыну умереть вместо другого.

– Он король, – просто объяснил Гвилиддин, указывая на Мордреда, – а наш мальчик был просто сыном плотника.

– Но Гундлеус скоро увидит, что у младенца, которого он убил, обе ноги здоровые, – сурово проговорила Моргана. – Тогда они все кинутся нас искать. Идем на юг.

Мы вышли до полудня, углубившись в зеленые заросли. Один из охотников Эрмида вел нас узенькими тропками и тайными дорогами. Впереди шагал Гвилиддин с несколькими идиотами Друидана, от которых было бы мало пользы в случае нападения. Я, никогда не дравшийся, шел в арьергарде с заткнутым за веревочный пояс мечом Хьюэла и тяжелым силурским военным копьем в правой руке. От Замка Эрмида до Кар-Кадарна было не менее четырех часов ходу, а мы шли кружным путем, плутая тайными тропами.

Моргана, которой было ведомо мировое зло, пронизательно заметила, что силурский король задумал эту войну еще со времени Высокого совета и просто ждал смерти Утера, дабы кинуться в атаку в союзе с Горфиддидом. Нас всех одурачили. Но чтобы быть уверенным в победе, Гундлеусу надо найти нас и убить Мордреда.

Огромный лес поглотил нас. Изредка в густой листве слышалось гортанное бормотание голубя, возникал дробный стук дятла. Один раз в кустах раздался громкий треск, и мы замерли, боясь появления всадника-силура, но это был всего лишь клыкастый кабан. Нимуэ молча, не жалуясь, хромала впереди меня. Рядом со мной шла худая темноволосая девушка Линет.

– Что теперь будет с нами, Дерфель? – спросила она.

– Не знаю.

– Мерлин придет?

– Надеюсь, – сказал я. – Или явится Артур.

Мы уже вышли из лесу, когда вдруг на опушку выскочил олень.

– Ложитесь! – прошипел охотник, и все рухнули в траву.

Из-за деревьев выехал вспугнувший оленя всадник. Он был так близко, что я смог разглядеть маску лисы на его круглом щите. У него были длинное копьё и рог, в который он затрубил. Вдалеке послышался ответный звук рога. И наступила тишина.

Текли долгие минуты. У речки над пастбищем жужжали пчелы. Мы затаились, не отрывая глаз от стены деревьев перед опушкой и опасаясь увидеть новых всадников. Но никто не появился, и проводник прошептал, что надо ползти к речке, перейти ее вброд и добраться до

зарослей на том берегу. Мы ползли долго и трудно. Особенно мучительно было Моргане с ее изуродованной левой ногой.

К середине дня мы пересекли другую, более широкую и глубокую реку, где мне было почти по грудь. Я старательно оберегал от воды свой меч. Это был прекрасный клинок, выкованный прославленными кузнецами Гвента. Рукоять была вырезана из яблони, с круглой, как шар, головкой эфеса.

Другой берег реки продолжался просторным пастбищем. Едва мы пересекли его и вошли в лес, как я услышал позади глухой стук копыт. Послав сигнал вперед, я сжал в руках меч, а тяжелое копьё отдал подошедшему Гвилиддину. Он прислушался к звуку шагов и удовлетворенно кивнул сам себе.

– Их только двое, – спокойно сказал Гвилиддин. – Они спешили. Я займусь первым, а ты удерживай второго, пока я не расправлюсь со своим. Ложись! – вдруг приказал он свистящим шепотом. – Прячься!

Я припал к земле, охваченный внезапно нахлынувшим страхом. Ладони мои взмокли, правая нога дергалась, во рту пересохло, к горлу подступила тошнота. Хьюэл преподал мне уроки боя, но я никогда еще не встречался с человеком, готовым убить меня.

– Спокойствие, мальчик, спокойствие, – тихо сказал Гвилиддин. Он бился рядом с Уте-ром, он стоял лицом к лицу с саксами, а теперь на родной земле с длинным копьём в жилистой руке, широко расставив ноги, он с полуусмешкой ждал приближения врага. – Это месть за моего ребенка, – мрачно добавил Гвилиддин. – Боги на нашей стороне.

Я съезжился за кустами ежевики. Мое укромное место было безопаснее, чем почти открытое пространство под деревом, где стоял Гвилиддин. И все же я почувствовал себя выставленным напоказ, когда оба наших преследователя вынырнули из чащи всего в дюжине шагов от нас.

Это были два молодых копьеносца с кожаными нагрудными пластинами и в длинных плащах из грубой красновато-коричневой материи. Их заплетенные в косички длинные бороды падали на грудь, темные волосы были стянуты на затылке кожаными ремешками. Лицо ближайшего ко мне мужчины было испещрено боевыми шрамами, рот полуоткрыт, виднелись ощеренные желтые зубы. Меня обуяло непреодолимое желание умчаться подальше, но на левой ладони засвербел, запульсировал шрам, оставленный Нимуэ, и это теплое биение неожиданно прибавило мне смелости.

– Мы слышали оленя, – сказал второй мужчина.

– Мы слышали плач младенца, – возразил первый.

– Ублюдки исчезли, – откликнулся его товарищ.

Я все время повторял про себя имя Бела, моля бога сделать меня мужчиной. Лес вокруг нас дышал мирным теплом. Враги были уже в шести шагах, когда Гвилиддин выпрыгнул из своего укрытия и с воинственным кличем ринулся вперед.

Я побежал следом, и внезапно страх сменился впервые ощущаемой, Богом данной бешеной радостью боя. Пусть Господь и Его ангелы простят меня, но в тот день я познал счастье битвы и долго еще потом с такой же страстью желал ощутить ее снова, как томимый жаждой путник, мечтающий о глотке воды.

Не успел я опомниться, как один из силуров уже корчился на земле, а Гвилиддин вколочивал острый наконечник копья сквозь кожаные латы в его грудь. Второй воин напрягся, выставив вперед копьё. Я прыгнул на него и, уклонившись от блестевшего на солнце острия, ударом клинка сшиб копьё, едва коснувшееся моего правого бока.

«Крепче держи запястье, мальчик», – словно бы услышал я голос Хьюэла и, выкрикнув его имя, с силой опустил меч на шею силура. Стальное лезвие легко углубилось в тело врага, как топор в труху гнилого дерева. Я вырвал меч и ударил во второй раз. Кровь забулькала в

горле умирающего и полилась по его груди. Он медленно и тяжело опустился на покрытую опавшей листвой землю.

Я стоял рядом, дрожа и еле сдерживая подступавшие рыдания. Высоко в листве пронзительно закричала птица. Я не мог двинуться. Тут плечи мои охватила сильная рука Гвилиддина, и слезы хлынули у меня из глаз.

– Ты хороший парень, Дерфель, – сказал Гвилиддин, и я приник к нему, как ребенок к отцу. – Все хорошо, – повторял он снова и снова. – Отлично сработано, мальчик. – Он гладил меня, пока не унялась моя дрожь и не высохли слезы. – Теперь идем.

Я еще содрогался от недавних рыданий, от ужасной мысли, что убил человека. Вдруг я понял, что в смертельной схватке защитил короля, и бредовая радость охватила меня.

– Вы наделали столько шума, что вскоре все силуры явятся сюда и будут наступать нам на пятки, – прорычала Моргана. – Идем! Двигайтесь быстрее!

Нимуэ отнеслась к моей победе с видимым равнодушием. Зато Линет жаждала услышать каждую подробность, и я, рассказывая, преувеличивал и силу врага, и свою храбрость, а восхищенные восклицания и испуганные вздохи Линет толкали меня на еще большее хвастовство. Ее рука оказалась в моей. Я не отрываясь глядел в ее большие темные глаза и поражался, почему никогда по-настоящему не замечал, как она красива. Мы шли весь долгий день, пока наконец не свернули в сторону холмов, на которых, как неподвижный страж, высился Кар-Кадарн.

Еще через час мы стояли на опушке леса у подножия холма. Солнце висело высоко в небе, и его нежный свет обливал западные крепостные валы Кар-Кадарна. Ни одного стражника не было на стенах крепости, ни единого дымка не поднималось над крышами скрытого за валами поселка. Мирная тишина подтолкнула Моргану к решению пересечь открытое пространство и взобраться по западной тропе к королевской крепости.

Мы вышли на пастбище, и перед нами вытянулись длинные тени. Нимуэ, которая до сих пор, казалось, была отрешенной от всего, скинула башмаки и пошла босой. Над нашими головами медленно плыл ястреб; испуганный шумом, откуда-то стремительно выскочил заяц и ошалело понесся, скрываясь в высокой траве. Цель была уже близка, и люди повеселели. Мы преодолели все и принесли Мордредра к месту его рождения – на королевский холм Думнонии. Но не успели мы пройти и половины пути к спасительному убежищу, как за нашими спинами появился враг – военный отряд Гундлеуса.

Если бы Гундлеус даже не собирался преследовать короля-младенца, он все равно должен был бы прийти сюда, в Кар-Кадарн, священное место думнонийских королей. Ведь ему нужно было никак не меньше, чем корона Думнонии. А как гласит старая поговорка, тот, кто владеет Кар-Кадарном, тот обладает и Думнонией, кто владеет Думнонией, тот правит Британией.

Силурские всадники неслись впереди копыеносцев. Было ясно, что через несколько минут они нас настигнут. Всадники вытянулись в длинную линию. Их плащи прикрывали крупы лошадей, ножны свисали сбоку, а солнце сверкало на кончиках копий, и лучи его скользили по развевавшемуся знамени с изображением лисьей морды. Гундлеус в блестящем стальном шлеме с гребнем из лисьего хвоста скакал под знаменем. Лэдвис с обнаженным мечом в руке находилась рядом с ним, а Танабурс в свободном, хлопающем на ветру платье трусил на серой лошадке по другую сторону от короля.

Я уже во второй раз готовился умереть, когда вдруг распахнулись ворота Кар-Кадарна и наружу стремительно вытекла людская река. Одетые так же, как и всадники Гундлеуса, конники несли щиты с драконом, знаком Мордредра.

Мы побежали им навстречу.

– Пятьдесят копий, – пробормотал Гвилиддин. Он пересчитывал наших спасителей. – Слишком мало.

Гундлеус решил отрезать нам путь к отступлению. Раз уж его враги собрались в одном месте, он намеревался уничтожить всех разом. Числом его отряд превосходил думнонийцев, но, спустившись вниз с холма и отдалившись от крепости, они лишились единственного своего преимущества.

Конники Думнонии с грохотом пронеслись мимо нас. Это были не легендарные всадники Артура, которые на скаку могли срубить крыши с домов, а всего лишь легкая кавалерия вооруженных разведчиков. Но они все же образовали защитную стену между нами и силурскими копьеносцами. Мы увидели, что командует спасительным отрядом сам Овейн, могучий Овейн, лучший воин короля и величайший борец всей Британии. Мы были уверены, что Овейн сейчас далеко на севере, сражается бок о бок с мужчинами Гвента в горах Повиса, и вот он тут, в Кар-Кадарне!

До сумерек оставалось еще часа два и не менее четырех часов – до полной тьмы. Солнце светило достаточно ярко, и это давало Гундлеусу возможность закончить резню засветло. Но сначала он попытался убедить нас не силой, а словом. Блистающий и роскошный, он выехал вперед с перевернутым в знак мира щитом.

– Люди Думнонии, – прокричал он, – отдайте мне ребенка, и я уйду!

Никто не ответил. Овейн был скрыт щитами своих воинов, и потому Гундлеус не видел его. Он обращался ко всем нам.

– Это искалеченный ребенок! – выкрикнул король Силурии. – Проклятый богами. Неужто вы надеетесь, что удача посетит страну, которой правит король-урод? Вы хотите, чтобы саксы стали хозяевами этой земли? Что еще может принести увечный король, кроме несчастий и горя?

И снова никто не ответил, хотя, Бог свидетель, в наших рядах было немало людей, которые опасались, что Гундлеус говорит правду.

Гундлеус снял шлем и снисходительно заулыбался.

– Вы можете сохранить себе жизнь, – пообещал он, – если отдадите мне ребенка. – Он ждал ответа, которого не последовало. – Кто командует вами? – наконец спросил он.

– Я! – Овейн протиснулся сквозь ряды воинов, чтобы занять свое настоящее место перед линией щитов.

– Овейн. – Гундлеус узнал силача, и я увидел искорку страха в его глазах. – Лорд Овейн, – поправился Гундлеус, назвав надлежащий титул, – сын Эйлинона и внук Кулваса, я приветствую тебя! – Король поднял к солнцу острие копья. – Не забывай, у тебя есть сын, лорд Овейн.

– У многих мужчин есть сыновья, – спокойно ответил Овейн, – тебе-то какое дело?

– Ты хотел бы, чтобы твой сын оказался без отца? – спросил Гундлеус. – Ты хочешь, чтобы ваши земли превратились в пустыню, ваши дома были спалены, а твоя жена стала игрушкой моих людей?

– Моя жена, – сказал Овейн, – сама может победить в бою всех твоих мужчин и тебя тоже, Гундлеус! Возвращайся к своей шлюхе, – он кивнул в сторону Лэдвис, – и поделись ею со своими людьми.

Мужественное спокойствие Овейна приободрило нас. Он выглядел непобедимым со своим массивным копьем, длинным мечом и обитым железными пластинами щитом. Неукротимый боец всегда дрался с обнаженной головой, презирая опасность, а его мускулистые руки были сплошь татуированы драконами Думнонии и его собственным символом – клыкастым кабаном.

– Отдай мне ребенка. – Гундлеус старался не обращать внимания на насмешки. – Отдай мне короля-калеку.

– Отдай мне свою шлюху, Гундлеус, – возразил Овейн. – Ты не тот мужчина, что нужен ей. Отдай ее мне – и можешь убираться с миром.

Гундлеус плюнул, пожал плечами и повернул лошадь назад. Свой щит он тоже перевернул, давая знать, что готов к бою.

Это была моя первая битва.

Думнонийские всадники встали стеной и ощерились копьями, скрыв за этой живой оградой женщин и детей. Наши враги выстроились в боевом порядке. В рядах силуров был и предатель Лигессак. А Танабурс начал ритуальный танец, прыгая перед стеной щитов на одной ноге, с поднятой рукой и прищуренным глазом. Из силурских рядов полетели в нашу сторону оскорбительные выкрики. Копьеносцы Гундлеуса хвастали, что перережут нас, как свиней. При этом они медленно продвигались вперед, но, пройдя шагов пятьдесят, остановились.

Две линии бойцов застыли одна против другой. Требовалась невероятная смелость, чтобы первым решиться атаковать плотный ряд щитов с выставленными вперед стальными жалами копий. Впоследствии я видел армии, стоявшие друг против друга часами, прежде чем собирались с мужеством для начала атаки. Чем старше был воин, тем больше ему требовалось смелости. Только молодые не понимали, какой неприступной может быть стена щитов, и, кидаясь в атаку, погибали.

Силуры, не двигаясь, принялись стучать древками копий о щиты. Беспорядочный грохот должен был вывести нас из равновесия и толкнуть на копья противника. Наши ряды не дрогнули.

– Сначала будет несколько ложных атак, парень, – успокоил меня стоявший рядом солдат.

И верно, не успел он договорить, как несколько силуров выскочили вперед и метнули в нас копья. Наши люди сдвинули щиты, и длинные копья вонзились в них. Одновременно силуры, не ломая линию, сделали несколько шагов нам навстречу. Овейн приказал немедленно двинуться вперед. Вражеская стена тут же замерла.

– Отойдите назад! – приказал нам Овейн.

Сам он выехал перед линией своих воинов и вызвал Гундлеуса биться один на один.

– Неужто ты баба, Гундлеус? – кричал самый могучий воин нашего короля. – Где потерял храбрость? Или хлебнул маловато хмельного меду? Отправляйся, трусливая женщина, к своему ткацкому станку! Возвращайся к вышиванию! Кидай меч и возьми в руки веретено!

Мы, послушные приказу предводителя, медленно отступали. Но внезапная атака врагов заставила нас снова замереть на месте и поднять щиты. Засвистели копья. Одно пролетело прямо над моей головой, обдав холодным порывом смертоносного ветерка. Овейн с презрительной улыбкой отражал щитом летевшие в него копья и не уставал засыпать нападавших градом насмешек.

– Кто учил вас кидать копья? Ваши матери? – Он смачно плюнул в сторону врагов. – Выходи, Гундлеус! Сразись со мной! Покажи своим трусам, что ты король, а не мышь!

Силуры, стараясь заглушить насмешки Овейна, колотили древками копий по щитам. Он повернулся к ним спиной, словно желая выказать полное презрение, и вполголоса приказал нам:

– Назад!

Вдруг два молодых силура отбросили щиты и копья, сорвали с себя одежду и полуобнаженные выскочили вперед.

– Вот теперь и начнется! – мрачно шепнул мой сосед.

Голые воины, наверное, были пьяны или возбуждены заклинаниями Танабурса и считали, что их тела защищены от вражеских клинков. Я слышал о таких безумцах и знал, что их самоубийственный пример становился обычно сигналом для начала настоящей атаки. Сжав свой меч, я попытался дать себе обет умереть достойно, но на самом деле мог только оплакивать себя и свою жизнь. Только сегодня я стал мужчиной и вот теперь должен был умереть. Я присоединюсь к Утеру и Хьюэлу в ином мире и буду там многие годы бродить бестелесной тенью

в ожидании того дня, когда моя душа найдет другое человеческое тело, в котором сможет вернуться в этот теплый, зеленый мир.

А те двое распустили волосы, подняли копья и мечи и совершили воинственный танец перед строем силуров. Они выли, ввергая себя в боевое неистовство, и, танцуя, все приближались и приближались к Овейну с обеих сторон. Их мечи и наконечники копий кроваво мерцали в лучах заходящего солнца. Гигант подбросил в руке копье, будто прикидывая его вес, и приготовился к стычке, которая могла стать началом атаки замершей вражеской армии.

И тут протрубил рог.

Воздух пронзил такой ясный и холодный звук, какого я никогда раньше не слышал. Рог протрубил один раз, другой. Эти чистые, холодные ноты отрезвили даже двоих полуголых храбрецов. Они замерли, повернув головы на восток, откуда прилетели звуки рога.

Я тоже оглянулся. И был ослеплен.

Казалось, на смену умирающему солнцу поднялось новое, сверкающее. Свет переливался по пастбищу, ослепляя нас, но потом лучи скользнули вбок, и я понял, что это только отражение настоящего солнца, сияющего на щите, начищенном словно зеркало. Этот щит держал человек, какого прежде я не видел. Величественный, высоко сидящий на огромном коне воин в окружении таких же необыкновенных людей, мужчин с плюмажами, мужчин в латах, словно бы вышедших из легенды богов, спустившихся на это поле сражения. Над высоко поднятыми головами, над шлемами с развевающимися плюмажами полыхало знамя, которое я стал любить больше всех знамен на всей земле Господа. Это было знамя с изображением медведя.

Рог протрубил в третий раз, и я внезапно осознал, что не умру. Я плакал от радости, и все наши копьеносцы плакали и кричали, а земля дрожала под копытами коней. И сидели на них похожие на богов люди, которые спешили спасти нас.

Подоспел сам Артур.

Часть вторая. Принцесса-невеста

Глава 5

Игрейна требует от меня рассказов о детстве Артура. Она слышала о мече в камне и хочет, чтобы я написал об этом. Артур, считает она, был зачат духом, снизошедшим на королеву, и в день его появления на свет небеса наполнились громом. Может, небеса и впрямь были в ту ночь сотрясаемы громом, но все, у кого я об этом спрашивал, спали и ничего не слышали. А что касается меча и камня, тут я не спорю – был и камень, и меч, но о них речь впереди. Меч носил имя Каледфолх, что означает «разящая молния». Игрейна называет его по-другому – Экскалибур. Что ж, и я впредь стану его так называть, тем более что самому Артуру было все равно, как именуют его длинный меч. Наплевать ему было и на свое детство.

Но ради самой прекрасной и благородной моей защитницы я готов записать и то малое, что мне удалось узнать. Артур, хоть и отказался от него Утер в Глевуме, был все же сыном верховного короля, но выиграл от этого не многое, потому что Утер наплодил незаконнорожденных отпрысков не меньше, чем бродячий кот. Мать Артура, как и мою дорогую королеву, звали Игрейной. Она прибыла из Кар-Гая в Гвинедд. Поговаривали, будто она – дочь Кунедда, правителя Гвинедда, что был верховным королем до Утера. Артур говорил, что мать его была самой удивительной, умной и красивой женщиной, но от других слышал я, будто красота ее была омрачена злобным умом. В год рождения Артура Утер отказался от четырех прижитых с нею детей, и этого она никогда не прощала своему сыну. Игрейна почему-то верила, что как раз Артур стал тем лишним незаконнорожденным ребенком, из-за которого Утер отверг ее, свою любовницу.

Из всех рожденных Игрейной детей выжили лишь Артур и три девочки. Артур обожал мать, всегда защищал ее и рыдал безутешно, когда она умерла от лихорадки. В то время ему было тринадцать лет, и Эктор, его покровитель, обратился к Утеру с просьбой помочь четверем впадшим в нищету сиротам. И Утер разрешил привезти их в Кар-Кадарн. Артура взяли ко двору верховного короля, где он научился владеть мечом и копьем. Там же он встретился и с Мерлином. Но, потеряв всякую надежду на благосклонность Утера, Артур последовал за своей старшей сестрой Анной в Бретань. Там, в воинственной Галлии, он стал великим солдатом, а Анна, всегда ценившая воинские таланты брата, не упускала возможности дать знать о его подвигах Утеру. Именно поэтому Утер призвал Артура обратно в Британию, когда затеялась война, приведшая к смерти его сына. Остальное вам ведомо.

Вот и рассказал я Игрейне все, что сам знал о детстве Артура, а уж в том, что она расцветит мой сухой рассказ легендами, не сомневаюсь. Среди простого народа об Артуре ходит немало подобных историй. А мне свою историю иногда хочется записать на языке бриттов, но я не осмеливаюсь, ибо епископ Сэнсам, которого Господь возвышает над всеми святыми, и так с подозрением поглядывает на мои писания. Временами он даже пытается прекратить эту работу, а то и приказывает исчадиям ада помешать мне. Как-то я обнаружил, что исчезли перья для письма, а в другой раз в роге для чернил оказалась моча. Но Игрейна возместила мне все потери, а Сэнсам, пока он не овладеет языком саксов, не сможет утвердиться в своих подозрениях и ни за что не догадается, что пишу я вовсе не Евангелие для саксов.

Игрейна просила меня выкладывать всю правду об Артуре, но гневалась, если эта правда не сходилась с волшебными сказками, которые ей плетут кухарки или служанки в гардеробной. Но я не могу придумывать и писать о том, чего не видел. Бог простит меня, если я изменил кое-какие мелочи, но ничего важного никогда не скрывал и не измышлял. Итак, когда Артур спас нас в битве перед стенами Кар-Кадарна, я догадался, что он приехал туда задолго до нашего

появления. Овейн и его люди знали, что Артур и его всадники, прибыв из Бретани, прятались в лесах севернее Кар-Кадарна. Запалив Тор, Гундлеус совершил ошибку, ибо высокие столбы дыма от пожарищ послужили сигналом разведчикам Овейна и они следили за людьми Гундлеуса уже с середины дня. Овейн, помогавший Агриколе отражать нападение Горфиддида, поспешил на север навстречу Артуру. Не зная Овейн, что Артур где-то поблизости, он наверняка отослал бы младенца Мордредра со своим самым быстрым гонцом в безопасное место. Впрочем, для затейливости моей истории я совершу небольшой грех и приберегу известие о приезде Артура для самой последней минуты. Этому я научился у бардов, которые знали, как завлечь слушателя.

У нас в Динневраке все еще продолжается зима. Холод ужасный, но после того, как найден был замерзшим в своей келье брат Арон, король Брокхваэль приказал Сэнсаму зажечь костры. Святой медлил, пока сам король не прислал наконец из своего двора дров на растопку, и поэтому у нас сейчас горят костры. Пусть они небольшие, но все-таки огонь дает толику тепла, и писать намного легче. Мне надо благодарить Господа за дарование огня и за силу продолжать историю об Артуре, короле, которого никогда не было, великом воине врага Бога.

* * *

Не стану утомлять вас подробным описанием той битвы перед Кар-Кадарном. Да это была вовсе и не битва, а бойня, полный разгром. Спасти смогла лишь горстка силуров. Сбежал и предатель Лигессак, но большая часть людей Гундлеуса попала в плен. Самого Гундлеуса, Лэдвис и Танабурса взяли живыми. Я никого не убил. Даже не задел кончиком меча.

Я мало что помню из той кровавой резни, потому что смотрел только на Артура.

Он сидел верхом на Лламрей, своей огромной черной кобыле с лохматыми щетками над толстыми бабками ног, с плоскими железными подковами, с привязанными к копытам кожаными ремешками. Все люди Артура восседали на таких же больших лошадях, у которых ноздри были вырезаны, чтобы им легче было дышать. Грудь животных защищали от ударов копий щиты из твердой кожи. Артур держал в руке длинное тяжелое копьё, звавшееся Ронгоминиадом, а его щит Винегортихэр был сделан из ивовых пластин, покрытых листом кованого серебра, сверкавшего в лучах солнца. У его бедра висел нож под названием Карнвернхау и знаменитый меч Эскалибур в черных ножнах, оплетенных золотой нитью.

Сначала я не видел лица Артура, потому что голова его была закрыта железным полированным шлемом с прорезями для глаз и темной дырой для рта. Над изукрашенным серебряными узорами шлемом развевался высокий плюмаж из белых гусиных перьев. Плащ его, как и плюмаж, был белым и свисал с плеч, прикрывая от горячих лучей солнца длинную чешуйчатую кольчугу. Все доспехи были римскими, выкованными из сотен пластин-чешуек, которые перекрывали одна другую так, что наконечник копья всегда натыкался на двойной слой железа. Когда Артур двигался, доспехи звенели и поблескивали, и казалось, будто играют сразу сотни солнышек. Всего лишь несколько кузнецов умели ковать такие доспехи, и очень немногие могли их купить. Артур снял эти доспехи с франкского вождя, которого убил в Арморике. Военный наряд дополняли кожаные башмаки, кожаные перчатки и кожаный пояс с черными посеребренными ножнами, в которых покоился Эскалибур, защищавший своего хозяина от всех бед.

Мне, ослепленному его появлением, Артур показался белым сияющим богом, сошедшим с небес на землю. Я не мог отвести от него глаз.

Артур обнял Овейна, и я услышал, как двое мужчин рассмеялись. Овейн был просто высоченным, и все же Артур, не так крепко сбитый и коренастый, умудрялся смотреть ему прямо в глаза. Овейн, казалось, весь состоял из бычьих мускулов, Артур же, напротив, был худым и жилистым. Гигант гулко хлопнул Артура по спине, и тот незамедлительно вернул

ему дружеский удар, а потом оба, обнявшись, направились к тому месту, где стояла Ралла с Мордредом на руках.

Артур упал на колени перед своим королем и с удивительной грацией для закованного в латы воина поднял руку в перчатке, чтобы дотронуться до края платья ребенка. Он отвел в стороны прикрепленные ремешками пластины шлема и поцеловал кончик платья короля. Мордред вопил и отбрыкивался.

Артур встал и протянул руки к Моргане. Она была старше брата, которому минуло всего лишь двадцать пять или двадцать шесть лет, но когда он обнял ее, из-под золотой маски брызнули слезы.

– Дорогая Моргана, – услышал я его звучный голос, – дорогая, милая Моргана.

До того самого момента, когда я увидел Моргану плачущей в объятиях брата, мне и в голову не приходило, насколько она одинока.

Артур нежно высвободился из ее рук и снял с головы свой серебристо-серый шлем.

– У меня есть для тебя подарок, – сказал он Моргане. – Эй, Хигвидд!

Слуга Хигвидд выбежал вперед и протянул ожерелье из медвежьих зубов, вправленных в золотые звенья цепи. Артур надел цепь на шею сестры и принялся выспрашивать, кто такая Ралла. Услышав о смерти ее ребенка, он обратил на нее такой сочувственный взгляд, что Ралла не удержалась и расплакалась. Затем ему был представлен Гвилиддин, который поведал о том, как я, защищая Мордреда, убил силура, и Артур обернулся, чтобы поблагодарить меня.

Впервые я мог по-настоящему разглядеть Артура.

Лицо его лучилось добротой. Это мое первое впечатление осталось навсегда. Артур внушал доверие всем своим видом. Женщины всегда любили Артура, хотя красавчиком его никак не назовешь, но он всегда смотрел на тебя с таким неподдельным интересом и открытой доброжелательностью, что сразу располагал к себе. У него было энергичное костистое лицо, обрамленное густыми темно-коричневыми волосами, которые тогда взмокли под шлемом и прилипли к голове. Самым заметным на лице были не горящие карие глаза, не длинный хрящеватый нос и не тяжелый, гладко выбритый подбородок, а неестественно большой рот, полный отличных зубов. Артур очень гордился своими зубами и каждый день чистил их солью, а если ее не было, просто полоскал водой. Да, это было крупное и сильное лицо, но больше всего меня в нем поразило выражение доброты и проказливого лукавства в глазах. Я замечал, как при нем мужчины и женщины становились веселее, а после его ухода воцарялись скука и уныние, хотя Артур вовсе не был ни острословом, ни хорошим рассказчиком. Он – Артур, и этим все сказано. Артур был человеком, заражавшим уверенностью, одержимым неукротимой волей и бесшабашной решительностью. Сначала вы не замечали этой твердости, да и сам Артур не выставлял напоказ своего жесткого характера, но подтверждением тому были многочисленные могилы его врагов.

– Гвилиддин говорит, что ты сакс! – поддразнил он меня.

– Повелитель! – только и мог произнести я и пал на колени.

Он наклонился и поднял меня, взяв за плечи. Я почувствовал твердость его рук.

– Я не король, Дерфель, – сказал он, – и ты не обязан опускаться передо мной на колени. Зато я должен преклонить перед тобой колени за то, что ради спасения короля ты рисковал жизнью.

Он улыбнулся, и в этот момент я уже обожал его.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Думаю, пятнадцать.

– А выглядишь на все двадцать, – снова улыбнулся он. – Кто научил тебя драться?

– Хьюэл, – ответил я, – управляющий Мерлина.

– А! Самый лучший учитель! Он и меня учил. А как он поживает?

– Хьюэл умер, – ответила за меня Моргана. – Убит Гундлеусом.

Она плюнула сквозь узкую щель в маске в сторону плененного короля, которого держали в нескольких шагах от нас.

– Хьюэл мертв?

Артур поглядел мне прямо в глаза, и я кивнул, сдерживая слезы. Артур обнял меня.

– Ты хороший человек, Дерфель, – сказал он, – и я должен наградить тебя за спасение жизни короля. – Чего ты хочешь?

– Быть воином, лорд, – сказал я.

Артур улыбнулся.

– Лорд Овейн, – повернулся он к покрытому татуировкой гиганту, – ты можешь взять этого хорошего воина-сакса?

– Я могу взять его, – тут же откликнулся Овейн.

– Тогда вот он, бери, – сказал Артур, но, должно быть, заметил мое разочарование, потому что быстро повернулся ко мне и положил руку на плечо. – Сейчас, Дерфель, – мягко проговорил он, – в моем отряде нет копыеносцев, только всадники. А лучше Овейна никто не научит тебя солдатскому ремеслу.

Он сжал мое плечо рукой в перчатке и отвернулся.

Подле взятого в плен короля, который стоял под знаменами победителей, собралась большая толпа. Артур теперь смотрел в лицо Гундлеусу.

Гундлеус гордо распрямился. У него не было оружия, но пленник даже не вздрогнул, когда к нему приблизился Артур.

Толпа затаила дыхание. На Гундлеуса падала тень штандарта Артура с медведем на белом поле. А на поверженное к ногам Гундлеуса его собственное знамя с изображением лисицы плевали и мочились торжествующие победители. Гундлеус пристально следил за тем, как Артур медленно вытаскивал Экскалибур из ножен. Голубоватая сталь его клинка сверкала так же, как и до блеска начищенные чешуйчатая кольчуга, шлем и щит.

Мы, замерев, ожидали рокового удара, но вместо этого Артур пал на одно колено и протянул Экскалибур рукоятью Гундлеусу.

– Лорд король, – сказал он смиренно, и по толпе, ожидавшей смерти пленника, пронесся вздох.

Не дольше одного удара сердца колебался Гундлеус, а затем протянул руку и дотронулся до рукояти меча. Он не вымолвил ни слова. Наверное, слишком был изумлен, чтобы сказать хоть что-нибудь.

Артур встал и вложил меч в ножны.

– Я поклялся защищать моего короля, – проговорил он, – а не убивать других королей. Что станет с тобой, Гундлеус ап Мейлир, решать не мне, но тебя будут держать в плену, пока не примут решение.

– И кто принимает это решение? – надменно спросил Гундлеус.

Многие наши воины закричали, требуя смерти Гундлеуса. Моргана толкала брата отомстить за Норвенну. А Нимуэ пронзительно вопила, чтобы пленного короля отдали ей. Но Артур покачал головой. Глядя на освещенного заходящим солнцем Гундлеуса, он тихо, но твердо заявил, что судьба высокородного пленника в руках думнонийского совета.

– А что будет с Лэдвис? – спросил Гундлеус, указывая на высокую бледнолицую женщину, стоявшую за его спиной с расширенными от ужаса глазами. – Я прошу, чтобы ей было позволено остаться со мной, – добавил он.

– Шлюха моя! – хрипло сказал Овейн.

Лэдвис вжала голову в плечи и приникла к Гундлеусу. Артур был явно смущен и озабочен таким поворотом дела, но, хоть он и был назван защитником Мордредра и одним из военачальников королевства, положение его в Думнонии оставалось неясным. В битве с силурами и их разгроме Артур главенствовал, но сейчас, требуя Лэдвис себе в рабыни, Овейн напомнил,

что у них равная власть. Артур колебался недолго. Он решился пожертвовать Лэдвис единству Думнонии.

– Овейн решил дело, – сказал он Гундлеусу и отвернулся.

Лэдвис, когда один из людей Овейна потащил ее в сторону, закричала, потом затихла.

Танабурс, видя унижение и горе Лэдвис, засмеялся. Никто не смел причинить друиду и малейшего вреда. Он не считался пленником и мог свободно уйти, но должен был покинуть поле боя без еды, благословения и спутников. Однако после того, что произошло со мной за эти дни, я настолько осмелел, что решился остановить друида, уходящего по усеянному мертвыми силурами мосту.

– Танабурс! – окликнул я его.

Друид обернулся и увидел, как я вытаскиваю меч.

– Осторожней, мальчик, – спокойно сказал он, поднимая свой увенчанный луной посох.

В другое время я почувствовал бы страх, но еще не остывший воинственный пыл толкнул меня вперед. Острие моего меча коснулось его спутанной седой бороды. От холодного прикосновения стали голова друида непроизвольно дернулась назад, и желтые косточки, вплетенные в его волосы, глухо застучали. Его морщинистое, прыщавое лицо исказилось, глаза налились кровью, искривленный нос хищно заострился.

– Я должен убить тебя, – сказал я.

Он расхохотался:

– Убей, и проклятие Британии падет на тебя. Твоя душа никогда не доберется до иного мира. Неизведанные и неисчислимые мучения станут преследовать тебя, и я буду их причиной.

Он плюнул в мою сторону и попытался отклонить наставленный мною клинок, но я лишь крепче сжал рукоять. Ощувив мою силу, он задрожал. Однако у меня вовсе не было намерения убивать старика. Я просто хотел напугать его.

– Десять или больше лет назад, – сказал я, – ты пришел во владения Мадога.

Мадог был тем самым человеком, что взял в рабыни мою мать и на чью усадьбу совершил набег молодой Гундлеус.

Танабурс кивнул, вспоминая.

– Именно так, именно так. Прекрасный тогда выдался денек! Мы взяли много золота, – хихикнул он, – и много рабов.

– И ты вырыл яму смерти, – сказал я.

– Ну и что? – Он пожал плечами, затем хитро и злобно глянул на меня. – Богов надо благодарить за удачу.

Я улыбнулся и пощекотал острием меча его тощее горло.

– И вот я выжил, друид. Я выжил.

Танабурсу потребовалось несколько секунд, чтобы осознать то, что я сказал. И тут он побелел и задрожал, потому что понял: я единственный во всей Британии обладаю правом и властью убить его. Он пронзительно закричал от ужаса, ожидая, что мой клинок вот-вот проткнет его глотку. Но я отвел стальное острие от его всклокоченной бороды и засмеялся, торжествуя. А он повернулся и, шатаясь, поплелся через поле. Внезапно старый друид обернулся и наставил на меня костистую руку.

– Твоя мать жива, мальчик! – прокричал Танабурс. – Она жива!

И он исчез.

Я стоял, разинув рот и зажав в опущенной руке меч. Как мог Танабурс помнить одну из многих рабынь? Он просто врал, чтобы насолить мне, вывести из себя. Поэтому я вложил меч в ножны и медленно пошел обратно к крепости.

Гундлеус был помещен под стражу в дальней комнате большого зала Кар-Кадарна. Этим вечером устроили нечто вроде пира, хотя в крепости было столько людей, что каждому досталась лишь крохотная порция мяса. Большую часть ночи старые друзья провели в обмене ново-

стями о Британии и Бретани, потому что многие воины Артура были родом из Думнонии или из других королевств бриттов. Со временем имена людей Артура стали такими знакомыми, но в ту ночь они ничего для меня не значили. Дагонет, Аглован, Кай, Ланваль, братья Балан и Балин, Гавейн и Агравейн, Блэз, Иллтид, Эйддилиг, Бедвир. Сразу я заметил, пожалуй, Морфанса, потому что он был самым уродливым из всех, кого я когда-либо встречал. Выпяченная зобом шея, заячья губа, уродливая челюсть. Обратил я внимание и на черного Саграмора. Поверить бы не мог, что бывают такие чернокожие люди.

И конечно, я заметил Эйллеанн, худенькую черноволосую женщину несколькими годами старше Артура. Ее печальное и нежное лицо излучало мудрость. Тем вечером она была одета в пышное королевское платье с длинными свободными рукавами, опущенными мехом выдры, подпоясанное тяжелой серебряной цепью. Ее длинную шею охватывал тяжелый золотой торквес, запястья сжимали золотые браслеты, а на груди сверкала покрытая эмалью брошь с изображением медведя – символа Артура. Эйллеанн двигалась грациозно, говорила мало и покровительственно поглядывала на Артура. Я решил, что она должна быть королевой или по меньшей мере принцессой. Но эта царственная женщина почему-то разносила чаши с едой и фляги с медом, как обычная служанка.

– Эйллеанн – рабыня, парнишка, – сказал Морфанс Уродливый, сидевший на корточках напротив меня.

– Чья рабыня? – не понял я.

– Артура, – сказал он, швырнув одной из собак обглоданную кость. – И его любовница. Рабыня и любовница. – Он рыгнул и сделал большой глоток из рога. – Ее дал ему шурин, король Будик. А вон там ее дети-близнецы.

Он дернул сальной бородой в сторону дальнего угла зала, где сидели на корточках с мисками еды два угрюмых мальчика лет девяти.

– Сыновья Артура? – спросил я.

– А чьи же? – хмыкнул Морфанс. – Амхар и Лохольт, так они зовутся. Отец их обожает. Ничего не жалеет для этих маленьких бастардов, а они именно бастарды, парнишка. Настоящие никчемные маленькие бастарды.

В его голосе вдруг заклокотала настоящая ненависть.

Я оглянулся на Эйллеанн.

– Они женаты?

Морфанс грубо захохотал.

– Конечно нет! Но все эти десять лет он счастлив с нею. Однако запомни: придет тот день, когда он отошлет ее, как это сделал отец с его матерью. Артур женится на особе королевской крови. Так приходится поступать мужчинам, подобным Артуру. Они должны хорошо жениться. Не то что я или ты, парень. Мы можем жениться на ком заблагорассудится, если только это не королева.

За стенами зала в ночи пронзительно закричала женщина. Кажется, Лэдвис обучали ее новым обязанностям. Овейн усмехнулся и вышел из зала. Из всех сидевших в зале только Нимуэ, по-моему, услышала в крике Лэдвис страдание. Ее замкнутое, горестное лицо с тугой повязкой на глазу вдруг осветилось злорадной улыбкой. Она словно представляла, какие мучения приносит этот вопль Гундлеусу. Ни капли жалости и прощения не было в Нимуэ. Она уже просила у Артура и Овейна разрешения убить Гундлеуса своими руками, но ей было отказано. И все же, пока жива Нимуэ, страх будет преследовать Гундлеуса.

На следующий день Артур с отрядом всадников отправился в Инис-Видрин и вечером, по возвращении, рассказал, что поселение Мерлина было сожжено дотла. Всадники привели с собой безумного Пеллинора и Друидана, который сумел хорошо укрыться в служебных пристройках у монахов священного терновника. Артур объявил намерение восстановить дом Мерлина. Гвилиддин был назначен королевским строителем Мордредра, и ему поручили валить

деревья на восстановление строений Тора. Пеллинора заперли в пустом каменном складе рядом с римской виллой в Линдинисе, самом ближнем к Кар-Кадарну поселении. Все организовывал Артур. Он всегда был неугомонным, ненавидел праздность и в эти дни работал с рассвета до полной темноты. Однажды утром я застал его борющимся с огромным листом свинца.

– Ну-ка помоги мне, Дерфель! – позвал он.

Я был польщен, что он запомнил мое имя, и поспешил помочь ему справиться с непосильной тяжестью.

– Редкая вещь! – весело произнес Артур.

Он был обнажен до пояса, кожа его покрылась темными пятнами от прикосновений свинца. Артур собирался разрезать лист на полосы и выложить ими каменный водосточный желоб, по которому когда-то вода из источника текла во внутренние покои виллы.

– Римляне, уходя, забрали с собой весь свинец, – пояснил он, – и поэтому водопроводы разрушены. Нам надо вновь наладить работу в рудниках, заново возвести мосты, прорыть шлюзы и сообразить, как заставить саксов убраться назад, к себе домой. Работы здесь на всю человеческую жизнь, как ты думаешь?

– Да, лорд, – смущенно буркнул я и осторожно поинтересовался, зачем военачальнику заниматься починкой водопроводов. Днем должен был собраться совет, и я думал, что у Артура хватает забот с государственными делами, а он, казалось, больше всего на свете озабочен возней со свинцовым листом.

– Ты когда-нибудь резал свинец ножом? – спросил он. – Я хочу научиться этому. Знал ли ты, например, что ствол дерева, если его используешь как колонну, всегда нужно ставить толстым концом вверх?

– Нет, лорд.

– Видишь ли, в таком случае сырость не поднимается по колонне вверх и она не гниет. Вот такое знание мне по душе. Хорошее знание. От него мир начинает работать. – Он подмигнул мне и неожиданно спросил: – А как тебе нравится Овейн?

– Он хорош для меня, лорд, – сказал я, смущенный таким прямым вопросом.

– Он должен быть хорош с тобой, – нажал на последнее слово Артур. – Каждый военачальник зависит от того, какие у него люди.

– Но я предпочел бы служить тебе, лорд, – выпалил я с юношеской неосмотрительностью. Он улыбнулся:

– Будешь, Дерфель, будешь. Со временем.

Он опять склонился над листом. Вдруг из убогого строения неподалеку донесся дикий вой. Это был запертый Пеллинон. Артур выпрямился.

– Овейн говорит, что надо отослать беднягу Пелла на Остров Смерти. – Артур имел в виду место, где держали буйных сумасшедших. – Что ты думаешь об этом?

Запинаясь, я сказал, что Мерлин любил Пеллинора и хотел, чтобы тот оставался среди живых, а желания Мерлина, считал я, надо уважать. Артур слушал серьезно и даже, казалось, был благодарен мне за совет.

– Что ж, тогда Пеллинон может остаться здесь, – сказал он. – А теперь берись за другой конец. Поднимай!

На следующий день Линдинис опустел. Моргана и Нимуэ вернулись в Инис-Видрин, намереваясь заняться восстановлением Тора. Однако Нимуэ желала теперь только одного – мести Гундлеусу, возмездия, в котором ей было отказано. Артур со своими всадниками отправился на север, чтобы усилить войско Тевдрика на границе Гвента, а я оставался с Овейном, который расположился в большом зале Кар-Кадарна.

Я отныне считался воином, но этим плодоносным летом гораздо важнее было собрать урожай, поэтому на некоторое время пришлось отложить меч и идти на королевские поля помогать крестьянам жать рожь, ячмень и пшеницу. Работать нужно было серпом, его прихо-

дилось постоянно точить о брусок – деревянную чурку, которую сначала погружали в растопленное свиное сало, а потом обваливали в тонком песке, только после этого он делал грани острыми. Я был здоровым парнем, но постоянные наклоны и резкие движения руками и плечами поселили в спине постоянную ноющую боль. На Торе мне никогда не приходилось так много работать, но теперь я был уже не под крылышком Мерлина – я стал частью отряда сурового Овейна.

Мы собирали провеянное зерно и везли его на телегах с поля в Кар-Кадарн и Линдинис. Солома шла на починку крыш и набивку матрасов. За время работы я отрастил первую редкую бородку, эдакую золотистую клочковатую поросль, которой, однако, был очень горд. Все дни мы проводили в изнурительной работе на полях, а я еще должен был выкраивать два часа вечером на обучение военному делу. Хьюэл выучил меня хорошо, но Овейну этого было мало. Он хотел лучшего.

– Ставлю месячное жалованье на дохлую мышь, что того силура ты рассек мечом, – сказал мне Овейн в один из тех вечеров, когда я исходил потом на крепостном валу Кар-Кадарна после схватки на палках с воином по имени Мэпон. – Просто саданул сплеча.

Я подтвердил, что и на самом деле рубанул мечом, как топором. Овейн рассмеялся и вытащил свой меч.

– Используй всегда только острие, мой мальчик. Оно убивает быстрее, – сказал он и сделал выпад в мою сторону.

Я отчаянно отбивался.

– Почему, скажи мне, у римлян короткие мечи? – спросил Овейн.

– Не знаю, лорд.

– Потому что короткий меч вонзается лучше, чем длинный.

Овейн отпрянул назад и внезапно сделал выпад, готовый вонзить меч мне в грудь. Я кое-как успел отбить его клинок палкой. Овейн усмехнулся:

– Ты быстрый. Это хорошо. Тебе все будет удаваться, малыш, если будешь чуть осмотрительнее. – Он вложил меч в ножны. – Итак, что ты думаешь об Артуре, парень? – неожиданно спросил Овейн.

– Мне он нравится.

Я был так же смущен, как и тогда, отвечая на подобный вопрос Артура.

Огромная косматая голова Овейна повернулась ко мне.

– Ага, он неплох, – пробормотал он. – Артур мне всегда нравился. Все любят Артура, но только боги ведают, знает ли кто-нибудь его до донышка. Разве что Мерлин. Ты думаешь, Мерлин жив?

– Я знаю, что он жив! – порывисто воскликнул я, ничего на самом деле не зная.

– Хорошо, – кивнул Овейн.

Я прибыл с Тора, и Овейн полагал, что у меня есть волшебное знание, недоступное другим людям. Вдобавок среди его воинов распространилась весть о том, что я избежал ямы смерти друида, и это убеждало их, будто я нахожусь под покровительством богов.

– Мне нравится Мерлин, – продолжал Овейн, – хотя он и отдал этот меч Артуру.

– Каледфолх? – спросил я, назвав Экскалибур правильным именем.

– Ты не знал? – изумленно поднял брови Овейн.

Он явно расслышал в моем голосе удивление, ибо и на самом деле Мерлин никогда не говорил мне, что сделал Артуру такой щедрый подарок. Он иногда толковал об Артуре, но знал его лишь то короткое время, которое тот провел при дворе Утера. Мерлин всегда говорил чуть снисходительно, как будто Артур был прилежным, но слишком медлительным и непонятливым учеником, чьи будущие великие подвиги превышали все ожидания. Но известие о том, что Мерлин дал Артуру знаменитый меч, вдруг высветило совсем другое его отношение к своему питомцу.

– Каледвулх, – поправил меня Овейн, – был выкован в ином мире Гофанноном. – (Гофаннон был богом кузнечного дела.) – Мерлин нашел его в Ирландии, – продолжал Овейн, – где меч носил имя Кадалхольг. Он выиграл его у друида в состязании толкования снов. Ирландские друиды утверждают, будто тот, кто обладает Кадалхольгом, оказавшись в беде, может ткнуть меч в землю, тогда Гофаннон покинет иной мир и придет ему на помощь. – Он с почтительным изумлением покачал головой. – Скажи мне, почему Мерлин сделал такой подарок именно Артуру?

– А почему бы и нет? – осторожно спросил я, потому что уловил в голосе Овейна затаенную ревность.

– Потому что Артур не верит в богов, – уверенно проговорил Овейн. – Он не верит даже в этого непонятого Бога, которому поклоняются христиане. Насколько я могу судить, Артур не верит ни во что, кроме своих больших лошадей. А лошади, малыш, на войне не нужны. Разве только разведчикам.

– Но почему?.. – начал было я.

– Потому, – Овейн словно угадал, о чем я хочу спросить, – что лошади нужны лишь для того, чтобы сломать вражескую стену щитов. Но если враг стоит твердо, лошадь только помеха. Боги станут помогать Артуру, коли он попытается побиться пешим, одетым в эти чешуйчатые рыбы доспехи. Единственный металл, который нужен воину, – это меч и кусок железа на конце копья. Остальное – просто лишний груз, малыш. – Он глянул вниз на огороженное пространство форта, где к забору, окружавшему тюрьму Гундлеуса, была прикована Лэдвис. – Артур не останется здесь надолго, – уверенно проговорил он. – Одна неудача – и он поспешит убраться в Арморику, где только и можно удивить большими лошадьми, тяжелыми латами и волшебными мечами.

Он вдруг ожесточенно сплюнул, и я с огорчением понял, насколько далеко зашло соперничество между этими людьми. Я любил обоих. Овейн улыбался, глядя на страдания Лэдвис.

– Она верная сука, тут не поспоришь, – хмыкнул гигант. – Но я ее все же сломаю. Это твоя женщина?

Овейн кивнул в сторону Линет, которая как раз проносила мимо кожаный мешок с водой.

– Да, – сказал я и покраснел от этого признания.

Линет, как и моя пробившаяся борода, была моим знаком возмужания, и оба эти достоинства меня еще смущали. Линет решила остаться со мной, а не возвращаться в Инис-Видрин вместе с Нимуэ. Я все еще не мог освоиться с новым своим положением, а для Линет все было ясно. Она вошла в мою хижину, подмела, заслонила вход ивовым плетнем и как ни в чем не бывало завела доверительный разговор о нашем совместном будущем. С Нимуэ, правда, жить было невозможно. После того как ее изнасиловали, Нимуэ ни с кем не разговаривала, любую попытку начать беседу встречала враждебной замкнутостью. Моргана залечила кровоточащую глазницу, а тот же самый кузнец, что ковал маску для Морганы, предложил взамен вырванного глаза сделать золотой шарик. Линет, как и все остальные, стала побаиваться этой новой, злобной и угрюмой Нимуэ.

– Хорошенькая девочка, – пробормотал Овейн. Он порылся в кармане куртки и вынул маленькое золотое колечко. – Отдай ей.

Я, запинаясь, поблагодарил его. Считалось, что военачальники должны одаривать своих воинов, но для меня, которому еще предстояло драться и доказать свое умение, золотое колечко было слишком щедрым подарком. Некоторые мужчины не гнушались украшений и носили золотые кольца, но я страстно желал получить простой железный обод, какие заслуженные воины выковывали из наконечников копий поверженных врагов. Овейн носил в бороде множество таких колец, а его пальцы тяжелили почерневшие от времени трофеи. Артур, как я заметил, колец вообще не носил.

Свой собственный урожай вокруг Кар-Кадарна мы убрали и отправились кружить по всей Думнонии, собирая налоги и оброк. Мы наведывались к зависимым королям и вождям в сопровождении чиновника из сокровищницы Мордред, который подсчитывал доходы.

Меня удивляло, что Овейн, этот неукротимый боец, всегда рвавшийся в битву, не пошел на Дурокобривис, не вернулся в Гвент, а вместо этого занялся скучной работой по сбору налогов. Однако, как я узнал позднее, налог для Овейна был гораздо важнее любого убитого или взятого в плен сакса. Для мужчин, которые не желали заниматься черным трудом, налоги становились самым лучшим и верным источником дохода.

В каждой усадьбе толковали о плохом урожае и старались снизить налог. Овейн набивал свой собственный кошелек взятками, полученными в обмен на подложные документы. Он был настолько незамысловат, что и не старался скрывать это.

– Утер не позволил бы проделывать подобные штуки, – сказал мне Овейн, когда мы шли вдоль южного берега в сторону римского города Иска. – Старый бастард был хитрецом и всегда точно знал, что ему причитается. Но что знает Мордред, этот младенец?

Он посмотрел налево. Мы двигались по плоской голой вершине большого холма, на юге мерцало пустынное море, и сильный ветер гнал по свинцовым волнам белые полосы. На востоке, где тянулся узкий галечный берег, темной стеной вздымался каменный мыс, о него разбивались, превращаясь в пенистый кружевной воротник, высокие волны. Мыс соединялся с материком лишь узкой дамбой, возведенной из обломков камней и гальки.

– Знаешь, что это? – спросил меня Овейн, дернув подбородком в сторону мыса.

– Нет, лорд.

– Остров Смерти, – сказал он и сплюнул на всякий случай, чтобы отвратить напасть, а я остановился и уставился на ужасное место, вместилище думнонийских кошмаров.

Это был приют безумцев, подобных Пеллинору, необузданных сумасшедших с яростными душами, они считались мертвецами с того момента, как пересекали охраняемую дамбу. Остров Смерти был под опекой Крома Даба, темного хромого бога, и поговаривали, что Пещера Круахана, вход в иной мир, находилась как раз в конце Острова. Застыв, я с ужасом глядел на него, пока Овейн не хлопнул меня по спине.

– Не бойся, малыш, Остров Смерти тебе не грозит, – сказал он. – У тебя редкая голова на плечах. – Овейн повернулся и зашагал на запад. – Где мы остановимся сегодня вечером? – прокричал он Ливеллину, чиновнику сокровищницы, чей мул был нагружен пачками подложных документов.

– У принца Кадви в Иске! – ответил Ливеллин.

– А, Кадви! Мне нравится Кадви. Что мы взяли в прошлом году у этого уродливого плута?

Ливеллину не надо было справляться в своих записях-зарубках на деревянных бирках. Он выпалил на память весь длинный перечень шкур, мешков овечьей шерсти, рабов, слитков олова, сушеной рыбы, соли и молотой кукурузы.

– Хотя большую часть он заплатил золотом, – добавил прощелыга-чиновник.

– Он мне еще больше нравится! – хохотнул Овейн.

Усадьба принца Кадви оказалась построенным еще римлянами просторным домом с портиком и колоннами. Дом был повернут в сторону лесистой долины с широким руслом впадающей в море реки Экс. Кадви был принцем думнониев, племени, которое дало название всей нашей стране. Одновременно Кадви был и вождем расползавшегося во все стороны племени, что населяло землю между Иской и Керновом. Было время, когда все племена Британии считались отдельными, и человек из Катувеллани нисколько не был похож на жителя Белги, но римляне всех перемешали. Лишь некоторые племена, вроде племени Кадви, сохранили свой особый облик. Это племя считало себя самым главным среди бриттов, и люди его татуировали лица символами своего клана. В каждой долине обитал отдельный клан, обычно состоявший из дюжины семей. Соперничество между кланами было жестоким, но ничто не могло срав-

ниться с враждой и соперничеством между всем племенем принца Кадви и остальной Британией. Столица племени Иска, римский город с крепкими стенами и каменными строениями, своей роскошью и великолепием могла поспорить с лучшими городами Гвента. Однако Кадви предпочитал жить вне города в собственном поместье.

Земли Кадви были богатыми, но принц желал сделать свои владения еще богаче.

Тем вечером мы сидели на открытой площадке под портиком, смотревшей прямо на обширные угодья Кадви. Вечер был мягким, и ужин подали отличный.

– Бывал на торфяниках? – спросил принц у Овейна.

– Никогда, – сказал Овейн.

Кадви хрюкнул. Я видел его на Высоком совете Утера, но сейчас мог хорошенько разглядеть этого человека, чьей обязанностью и честью было охранять Думнонию от набегов со стороны Кернова или из далекой Ирландии. Принц был низеньким, лысым человечком средних лет, крепко сбитым, с голубыми племенными отметинами на щеках, ногах и руках. Он носил одежду бриттов, но обожал свою римскую виллу с мощеными дорожками, колоннами и водопроводной водой, которая бежала по каменному желобу через весь внутренний двор прямо к портику, где образовывала небольшой пруд для мытья ног. Кадви, решил я, живет хорошей жизнью. У него богатые урожаи, его овцы шерстисты, а коровы тучны, его многочисленные жены веселы и счастливы. Саксы не угрожают его владениям. И все же ему явно этого было мало.

– На торфянике есть деньги, – хвастливо проговорил Кадви. Он был здорово пьян, его люди, сидевшие вокруг стола, тоже отяжелели от вина и еды. – Олово. И золото. Может быть. Но олова много.

Ужин кончился. Кадви раздал девушек-рабынь воинам, и теперь они с Овейном, оставшись наедине, просто болтали. Я сидел так тихо и неподвижно, что они меня, наверное, и не замечали.

– Хочешь олова? – спросил Кадви. – Олово хотят многие люди. Без олова нельзя сделать бронзу, и потому в Арморике, не говоря уж о наших землях, за него дают большую цену. – Он повел расслабленной рукой, словно охватывая всю Думнонию, потом рыгнул, удивленно потряс головой и попытался успокоить свой желудок добрым глотком вина. Затем нахмурился, явно стараясь припомнить, о чем говорил. – Олово, – наконец произнес он, вспомнив.

– Ну, расскажи мне о нем, – наклонился к принцу Овейн.

Он косил взглядом на одного из своих людей, который раздел донага девушку-рабыню и лил ей на живот масло.

– Это не мое олово, – сказал Кадви.

– Значит, чье-то, – набычился Овейн. – Хочешь, спрошу у Ливеллина? Он умный пройдоха, когда дело касается денег и владений.

В этот момент весельчак, ливший на девушку масло, принялся с размаху шлепать ее по животу, и тяжелые желтые капли летели на хохочущих зрителей.

– Беда в том, – повысил голос Кадви, пытаясь отвлечь внимание Овейна от голой девицы, – что Утер позволил людям из Кернова прийти и разрабатывать заброшенные римские рудники. Эти прохвосты должны, отметь себе, посылать дань в вашу сокровищницу, но негодяи отвозят олово назад в Кернов. Это я знаю точно.

Овейн насторожился:

– Кернов?

– Они добывают деньги прямо из нашей земли. Нашей земли! – раздраженно воскликнул Кадви.

Кернов был отдельным государством, таинственной землей в самой отдаленной части западного полуострова Думнонии, землей, которой никогда не правили римляне. Большую

часть времени эти люди жили с нами в мире, но иногда король Марк вдруг вылезал из кровати своей последней жены и посылал отряд грабителей за реку Тамар.

– Что делают тут люди из Кернова? – разъярился Овейн.

– Я же толкую! Крадут наши деньги. И не только это. Эти рудокопы не платят всего, что должны. Но ты никогда этого не докажешь. Никогда, даже если твой умный парень Ливеллин сунется в ту торфяную дыру и сумеет подсчитать, сколько олова они добывают в год. – Кадви отмахнулся от назойливого мотылька и мрачно покачал головой. – Они под охраной закона. Утер им потакал, вот они и думают, что им все нипочем.

Овейн рассеянно пожал плечами. Он увлеченно следил за полудюжиной пьяных солдат, которые гонялись за девушкой, чье обнаженное тело, покрытое масляной пленкой, блестело при свете факелов. Девушка была увертливой и скользкой от масла, и обессиленные от хохота охотники никак не могли ее схватить. Я еле сдерживался, чтобы не захихикать. Овейн резко повернулся к принцу.

– Тогда пойдешь туда и убьешь нескольких бастардов, – сказал он так, будто предлагал съесть кусок жареного мяса.

– Я не могу, – покачал головой Кадви.

– Почему?

– Утер дал им защиту. Если я нападу на них, они пожалуются Совету и королю Марку и заставят меня заплатить за каждого убитого рудокопа.

Жизнь раба была дешевой, а хороший рудокоп стоил так высоко, что даже богатому принцу вроде Кадви заплатить королевскую пошлину было разорительно.

– Но как они узнают, что напал на них именно ты? – жестко усмехнулся Овейн.

Вместо ответа Кадви ткнул пальцем в щеку. Голубые татуировки могли выдать его людей с головой.

Овейн серьезно кивнул. Натертую маслом девушку наконец удалось повалить и пригвоздить к полу. Она лежала в кустах, росших на нижней террасе в окружении своих гогочущих преследователей. Овейн раскрошил кусок хлеба, хмыкнул и снова поднял взгляд на Кадви:

– Итак?

– Итак, – коварно улыбнулся Кадви, – дело могло бы сладиться, найди я людей, которые сумели бы немного порастрясти бродяг-рудокопов. Это заставит их искать у меня защиты, понимаешь? А расплатой будет олово, которое они сейчас посылают королю Марку. А твоя доля... – Он помолчал, испытующе глядя на Овейна. – Твоя доля – половина стоимости олова.

– Сколько? – быстро спросил Овейн.

Они говорили теперь так тихо, что мне пришлось напрягаться, чтобы сквозь хохот и веселые выкрики солдат расслышать хоть слово.

– Пятьдесят золотых слитков в год. Вот таких.

Кадви вытащил из кошелька слиток золота размером с рукоять меча и покатило его по столу в сторону Овейна.

– Такой большой? – Даже Овейн был ошарашен.

– Торфяник – богатое место, – мрачно проговорил Кадви. – Очень богатое.

Овейн перевел взгляд на раскинувшуюся внизу долину Кадви, где в неподвижной, серебряной, как клинок меча, реке лежало плоское отражение торфяника.

– Сколько там рудокопов? – деловито спросил он.

– В ближайшем поселении, – Кадви на мгновение задумался, – семьдесят или восемьдесят человек. И конечно же, без счета рабов и женщин.

– А как много таких поселений?

– Три, но остальные два чуть в стороне. Меня интересует ближе.

– Нас только два десятка, – осторожно сказал Овейн.

– А ночь на что? – усмехнулся Кадви. – На них никогда никто не нападал, потому и посты не будут выставлены.

Овейн отхлебнул вина из рога.

– Семьдесят золотых слитков, – сказал он твердо. – Не пятьдесят, а семьдесят.

Принц Кадви секунду подумал, потом согласно кивнул.

Овейн усмехнулся.

– Почему бы нет, а? – гоготнул он и погладил широкой ладонью золотой слиток, затем вдруг быстро, как змея, обернулся и впился в меня острым взглядом.

Я не двинулся, делая вид, что весь поглощен созерцанием голой девушки, которая плотно прикинула всем телом к одному из татуированных воинов Кадви.

– Ты не заснул, Дерфель? – резко спросил Овейн.

Я испуганно подпрыгнул, будто от неожиданности.

– Лорд? – И растерянно захлопал глазами, притворяясь, что последние несколько минут мои мысли бродили где-то далеко.

– Отличный парень, – сказал Овейн, довольный, что я ничего не слышал. – Хочешь одну из этих девочек, а?

Я вспыхнул:

– Нет, лорд.

Овейн расхохотался.

– Этот юнец только что раздобыл себе хорошенькую маленькую ирландочку, – подмигнул он Кадви, – потому пока остается ей верен. Но он научится. Когда попадешь в иной мир, малыш, – он опять повернулся ко мне, – ты не станешь печалиться о мужчинах, которых не убил, но здорово пожалеешь о женщинах, мимо которых прошел.

Гигант говорил мягко и даже нежно, почти ворковал. В первые дни моей службы я побаивался Овейна, а он любил меня и хорошо со мной обращался. Теперь он снова уставился на Кадви.

– Завтра вечером, – тихо сказал он. – Завтра вечером.

Мое почти мгновенное перемещение из Тора Мерлина в отряд Овейна было похоже на прыжок из этого привычного мира в иной. Я глядел на луну и думал о длинноволосых людях Гундлеуса, перебивших защитников Тора, а перед моим мысленным взором стояли люди на торфянике, которые окажутся перед звериным лицом той же жестокой опасности уже этой ночью. Я понимал, что ничего не смогу сделать, чтобы остановить это, хотя твердо знал, что это надо остановить, но судьба, как твердил нам Мерлин, неумолима. Жизнь – шутка богов, любил повторять он, и тут нет справедливости. Нужно научиться смеяться, сказал мне как-то Мерлин, иначе нахнычешь себе смерть.

Наши щиты были густо вымазаны дегтем, взятым у лодочников, чтобы они походили на черные щиты ирландских всадников Энгуса Макайрема. Их длинные остроносые лодки привозили воинов, чтобы совершать набеги на северное побережье Думнонии. Данный Кадви проводник с татуированными щеками весь день вел нас через зеленую тенистую долину, медленно поднимающуюся к неясно манящему торфянику, он изредка проглядывал сквозь прорехи в густой листве высоких деревьев. Это был приятный лес, в котором то и дело мелькали олени и лопотали быстрые холодные ручьи, сбегавшие к морю с торфяника.

К вечеру мы уже были на окраине торфяника, а с наступлением темноты взбирались по козлиной тропе к вершине. Место это было таинственным. Древние люди, жившие здесь, оставили в долинах свои священные, окруженные камнями круги, а вершина была увенчана непонятной кучей серых камней, наваленных в беспорядке. Через топкие, коварные низины проводник провел нас быстро и уверенно.

Овейн сказал нам, что люди на торфянике восстали против короля Мордреда, а их вера велит бояться пришельцев с черными щитами. Это было ловко придумано. Я и сам поверил

бы этой сказке, не подслушай вчера его разговор с принцем Кадви. Вдобавок Овейн пообещал нам кучу золота, если мы все сделаем как надо, но предупредил, что этот ночной набег должен остаться в тайне, ибо у нас нет приказа Совета вершить суд. По дороге к торфянику в самой гуще леса мы наткнулись на старое святилище, возведенное под дубами, и Овейн заставил каждого из нас поклясться смертным словом, что впредь мы будем держать язык за зубами. Из заросших мхом ниш в полуразрушенных стенах на нас строго взирали пустыми глазницами ветхие черепа. В Британии повсюду попадались подобные древние, скрытые в чащах святилища – явные свидетельства того, как накануне появления римлян в религии страны безраздельно властвовали друиды. Но и теперь еще сельские жители тянулись к своим богам и приходили сюда с мольбами о помощи. И мы тоже в тот час среди древних дубов, с которых свисали бурые кочья лишайника, опустили на колени перед черепами, и каждый коснулся рукояти меча Овейна. А те избранные, кто был посвящен в тайны Митры, удостоились поцелуя Овейна. Затем, получив благословение богов и поклявшись убивать, мы двинулись навстречу ночи.

Первое же место, куда мы попали, оказалось ужасно грязным. Огромные плавильные костры плевались искрами и чернили небеса жирными клубами дыма. Между кострами теснились приземистые хижины. Над всем высились огромные слежавшиеся угольные кучи, похожие на мрачные черные склепы. В горле першило от едкого горького запаха. Эта горная деревушка скорее походила на королевство Аровна, властителя иного мира, чем на человеческое поселение.

Как только мы приблизились, залаяли собаки, но ни один из жителей деревушки даже не проснулся. Никто здесь не позаботился даже о малой защите – ни забора, ни земляного вала. Возле телег стояли привязанные к колу приземистые лошадки – пони. Завидев нас, они беспokoйно заржали, но и тогда никто не вышел, чтобы выяснить причину шума. Деревушка спала. Все хижины были круглыми, сложены были из камня и крыты торфяными плитами. Лишь в центре поселения различались силуэты двух старых римских зданий, квадратных, высоких и мощных.

– На каждого из нас выйдет по два человека, если не больше, – прошипел Овейн, – и это не считая рабов и женщин. Нападайте стремительно, убивайте быстро и не оставляйте без прикрытия спину. Держитесь вместе!

Мы разделились на два отряда. Я оказался рядом с Овейном. Железные кольца в его бороде грозно поблескивали в свете костров. Собаки лаяли, кони ржали, наконец подал голос молодой петушок. И только тогда из хижины выполз какой-то мужчина, пожелавший узнать, с чего бы всполошилась скотина. Но было уже слишком поздно. Бойня началась.

Потом я видел множество подобных кровавых расправ. В деревнях саксов мы, прежде чем начать резню, поджигали хижины, но этот грубый камень и сырые торфяные плиты не горели. Мы выхватывали из костров горящие головни, совали их внутрь хижин и врывались с копьями и занесенными мечами. Иногда пламя было таким сильным, что обитатели хижины сами выскакивали наружу, где их уже поджидали безжалостные клинки, рубившие, как топоры мясников. Если же огонь не выгонял на улицу всю семью, Овейн приказывал врываться сразу двоим, в то время как остальные подстерегали у входа. Я знал, что очередь совершать кровавую работу дойдет и до меня. Я страшно боялся, понимая, что не осмелюсь послушаться приказа. Я был повязан ужасной клятвой, и отказ означал смерть.

Ночь наполнилась воплями. Первые несколько хижин дались нам достаточно легко, потому что люди спали или только-только проснулись. Но по мере нашего продвижения вглубь деревушки сопротивление становилось более яростным. Два человека напали на нас с топорами, однако с ними быстро справились наши копыеносцы. Женщины с детьми на руках разбегались в разные стороны. На Овейна прыгнул разъяренный пес, но тут же, повизгивая, рухнул на землю с переломанным хребтом. Я увидел, как женщина, прижимая младенца к груди и таща за собой окровавленного ребенка постарше, пыталась скрыться от разящих мечей и

копий, и внезапно вспомнил последний выкрик Танабурса о том, что моя мать жива. В этот момент я с ужасом осознал, что старый друид, наверное, проклял меня за покушение на его жизнь. До сих пор счастливая судьба оберегала меня, но теперь я чувствовал, как зло окутывает, окружает, словно невидимый лютой враг. Я дотронулся до шрама на левой ладони и стал молиться Белу, чтобы он отвратил проклятие Танабурса.

– Дерфель! Ликат! Ваша хижина! – прокричал Овейн, и я, не успев опомниться, подчинился приказу.

Отбросив меч, я метнул горящую головешку в дверь и буквально вполз в низкий проем. Дети заверещали. Полуобнаженный человек прыгнул на меня с ножом. Я с трудом увернулся, споткнулся, упал на девочку и нанес удар копьём ее отцу. Острие скользнуло по ребру, мужчина начал валиться на меня. Вот-вот его нож вонзится мне в горло! Но Ликат подоспел вовремя и ударил его копьём. Человек согнулся пополам, прижал руки к животу. Ликат выхватил нож и устремился к вопящим детям. Я поскорее вынырнул наружу. Наконечник моего копья был окровавлен. Овейну я сказал, что в хижине был лишь один мужчина.

– Пошли! – крикнул Овейн. – Деметия! Деметия!

Мы все выкрикивали этот ложный пароль, название ирландского королевства Энгуса Макайрема, что к западу от Силурии.

Хижины опустели, и мы начали преследовать рудокопов, метавшихся в темных закоулках деревни. Одни из них пытались убежать, другие вдруг останавливались и кидались в драку. Несколько человек даже выстроились в неровную боевую линию и с копьями, пиками и топорами атаковали нас. Но люди Овейна легко и даже с некоторым презрением отражали удары черными щитами, а потом сами пустили в ход мечи и копья. И я был среди этих умелых убийц. Пусть Господь простит меня, но этой ночью я убил второго в моей жизни человека, а может, даже и третьего. Первого я поразил ударом копья в горло, второго – в пах. Меч этой ночью я в ход не пускал, потому что считал, что для такого грязного дела клинок Хьюэла не подходит.

Все закончилось быстро. Деревня внезапно опустела и затихла. Нам попадались лишь мертвые и не успевшие убежать женщины и дети. Мы убили всех, кого нашли. Мы убили их животных. Мы сожгли их телеги для перевозки угля. Мы подожгли торфяные крыши их хижин. Мы потоптали их огороды. И наконец стали рыскать повсюду в поисках сокровищ. Откуда-то из темноты прилетело несколько стрел, но никто из нас не был даже ранен.

В хижине вождя отыскались горстка римских монет, золотые слитки и серебряные бруски. Это была самая большая хижина, шагов двадцать в поперечнике. Неровное пламя горящих головешек, заменявших нам факелы, освещало раскинувшееся на полу тело мертвого вождя, его пожелтевшее лицо и разрезанный, развороченный живот. Рядом в луже крови валялись убитые женщина и двое детей. Третий ребенок, девочка, лежал под промокнувшей от крови шкурой, и мне показалось, что ее рука дернулась, когда один из наших споткнулся о нее. Но я притворился, будто ничего не заметил. В темном углу заверещал еще один ребенок и был тут же зарублен.

Бог и его ангелы милосердны. Да простит Господь мои прегрешения. Только перед одним человеком открылся я, но она не священник и не может отпустить мне мой смертный грех. В чистилище, а может, и в аду мне еще встретятся эти убиенные младенцы. Их отцы и матери получают мою душу взамен отнятых детей. Кара постигнет меня.

Но оставался ли у меня выбор? Я был молод, я хотел жить, я дал клятву, я, в конце концов, следовал приказам своего командира. И я убивал только тех, кто на меня нападал. Но разве это может служить оправданием столь великого греха? Моим спутникам грехом это и вовсе не казалось. Они просто убивали людей из другого племени, как бы существ другой породы. Но я воспитывался на Торе, куда стекались люди всех рас и всех племен, и хотя Мерлин сам был племенным вождем и превыше всего превозносил звание бритта, он никогда не возбуждал

в нас ненависти к другим племенам. И я, его ученик, не мог убивать людей только за то, что они из иного племени.

И все же смог! Убил. И пусть Господь простит мне этот грех и другие грехи, слишком многочисленные, чтобы все их припомнить.

Мы ушли перед рассветом. Долина дымилась горячей кровью. Торфяник источал смердящий запах смерти и оглашался воплями вдов и сирот. Овейн дал мне золотой слиток, два серебряных бруска и горсть монет, и, да простит меня Бог, я оставил их себе.

Глава 6

Осень плодоносит битвами и сражениями. Всю весну и лето саксы на лодках переправляются на наш восточный берег, а осенью пытаются вновь обрести свои отобранные земли. Это последний всплеск войны, перед тем как зима скует воду и землю.

Именно осенью в год смерти Утера я впервые сразился с саксами. Не успели мы вернуться с запада после сбора налогов, как услышали о набеге саксов на восточное побережье. Овейн отдал нас под командование своего капитана, звавшегося Гриффид ап Аннан, и послал на помощь Мелвасу, королю Белга, данника Думнонии. Мелвас должен был оборонять наш южный берег от вторжения саксов, которые в тот мрачный год после погребального костра Утера воспрянули, и война вновь всколыхнулась. Овейн остался в Кар-Кадарне, потому что в Королевском совете затеялся острый спор о том, кто будет отвечать за воспитание Мордредра. Епископ Бедвин желал растить короля в своем доме, но тех, кто не поклонялся Христу, в Совете было большинство, и они воспротивились тому, чтобы Мордредра воспитывали христиане. Бедвин и его партия восставали против того, чтобы король-ребенок воспитывался язычником. Овейн, который бахвалился, что поклоняется всем богам одинаково, брался всех рассудить.

– Вовсе не важно, в какого бога верит король, – толковал он нам перед походом, – потому как король должен уметь драться, а не молиться.

Он остался доказывать другим свою правоту, а мы ушли убивать саксов.

Гриффид ап Аннан, наш капитан, был тощим, угрюмым человеком. Насупившись, он бурчал, что Овейн просто не хочет допустить Артура к воспитанию Мордредра.

– Не то чтобы Овейн не любит Артура, – поспешно добавлял он, – но коли власть над королем принадлежит Артуру, то и вся Думнония принадлежит ему.

– Разве это так плохо? – спросил я.

– Для меня и для тебя, мальчик, лучше, чтобы земля наша принадлежала Овейну.

Гриффид коснулся пальцем одного из золотых торквесов на шее, давая мне понять, что Овейн – это богатство.

Все они называли меня парнишкой или мальчиком потому, что я был не только самым юным в войске, но и не освященным кровью в настоящей битве. Из-за того, что мне однажды удалось избежать ямы смерти друида, они верили, будто я могу приносить удачу. Все люди Овейна, как и любой солдат, были ужасно суеверными. Они пытались разгадать тайный смысл каждого предзнаменования, толковали его и обсуждали с особым трепетом. Всякий из них носил с собой заячью лапу или камень, в который ударила молния, и уж никто не стал бы надевать правый башмак прежде левого или точить копье в своей собственной тени. В наших рядах была горсточка христиан, и мне казалось, что они-то должны были выказывать меньше страха перед богами, духами и призраками, но эти были столь же суеверными, как и все остальные.

Столица короля Мелваса, Вента, была бедным приграничным городком. Ремесленные мастерские давно позакрывались, а на стенах больших римских строений темнели следы пожаров, оставшиеся со времени последнего набега саксов. Король Мелвас опасался нового набега. У саксов, твердил он, появился новый полководец, жадный до добычи и неистовый в сражении.

– Почему не прибыл Овейн? – спросил он с раздражением. – Или Артур? Может, они хотят моего падения? – Мелвас был обрюзгшим, подозрительным человеком со смрадным дыханием и всегда оставался лишь властителем племени, а не всей страны, что делало его королем второго ранга. А по виду он и вовсе напоминал крестьянина, причем самого захудалого. – Вас ведь совсем мало, а, Гриффид? – ныл он. – Хорошо еще, что я собрал ополчение.

Ополчение считалось городской армией Мелваса, и каждый здоровый мужчина племени белгов обязан был служить. Хороших, обученных воинов было мало, а большинство богатых

людей племени взамен себя посылали рабов. И все же Мелвас при случае мог собрать немалую силу – сотни три человек, каждый из которых приносил свое собственное оружие и запас еды. Некоторые прежде были воинами и приходили в отличных доспехах, с прекрасными боевыми копьями и заботливо сохранными щитами. Правда, у большинства не было ничего, кроме дубинки или острой мотыги. Ополчение сопровождал целый обоз женщин со скарбом и детьми. Оставаться дома без мужчин в ожидании нападения саксов никто не желал.

Мелвас настоял на том, чтобы обученные воины из его ополчения засели за стенами Венты и обороняли город от нападения, а это означало, что под команду Гриффиды отдавались неумелые новобранцы, с которыми он должен был выйти навстречу врагу. Мелвас понятия не имел, откуда появятся саксы, поэтому Гриффиду с отрядом приходилось вслепую блуждать в непроходимых лесах к востоку от Венты. Мы были похожи скорее на беспорядочный сброд, чем на военный отряд. Случайно замеченного оленя все скопом начинали преследовать с таким гиканьем и свистом, что насторожило бы любого врага, будь он хоть за дюжину миль отсюда. К тому же такая охота кончалась тем, что ополченцы разбрелись по всему лесу и то ли терялись в чаще и отправлялись домой, то ли попадали в руки затаившихся саксов. Таким образом мы потеряли человек пятьдесят.

Эти леса просто кишели саксами, хотя поначалу мы не видели ни одного. Иногда нам попадались их лагерные стоянки с еще теплыми кострищами, а один раз мы даже наткнулись на небольшое поселение белгов, которое было сожжено и разграблено саксами. Повсюду валялись трупы мужчин и стариков, а молодых людей и женщин, наверное, увели и превратили в рабов. Вид смерти и разрушения привел ополченцев в чувство, все наконец поняли, что вышли вовсе не на увеселительную прогулку, и теперь Гриффид вел сплоченный отряд суровых, насупленных людей. Мы шли на восток.

Первую шайку саксов мы случайно обнаружили в широкой речной долине, где они устраивали небольшое поселение. К моменту, когда мы появились, саксы уже возвели половину деревянного частокола и поставили опорные столбы главного дома. Однако наше неожиданное появление на опушке леса заставило их побросать инструменты и взяться за колья. Мы превосходили их числом примерно в три раза, но и при таком превосходстве Гриффид не мог понудить нас атаковать плотную стену их щитов с шипами острых кольев. Мы были молоды и задиристы и как дурачки кривлялись и насмешничали на расстоянии, но саксы не обращали никакого внимания на наши насмешки, а те люди Гриффиды, кто был постарше, лишь злились на нас и, не желая ввязываться в драку, попивали мед. Мне, отчаянно мечтавшему добыть кольцо воина, выкованное из железа саксов, не терпелось кинуться в атаку. Но я, еще не испытывавший ужаса сшибки двух стен ощерившихся щитов, не знал, как тяжело столкнуть с места живую массу тел и втянуть их в эту кровавую работу. Гриффид предпринял несколько вялых попыток воодушевить отряд на атаку, а потом и сам отхлебнул меда и принялся издали поносить саксов. Так мы и стояли лицом к лицу с врагом часа три или больше, не сделав ни шага вперед.

Нерешительность Гриффиды позволила мне наконец-то рассмотреть саксов, которые, как оказалось, не очень от нас отличались. Волосы их были светлее, кожа смуглее нашей, а глаза бледно-голубые. Они любили напяливать на себя побольше мехов, но в основном их одежда была сходной с нашей. Оружие тоже не особенно разнилось с нашим, разве что длинные ножи, которыми трудно было орудовать в стычке, да огромные топоры с широкими лезвиями, разрубавшие щит с одного удара. Некоторые из наших людей, испытывавшие на себе силу их топоров, и сами обзавелись такими же, но Овейн, как и Артур, с презрением отзывался о топорах саксов, считая их слишком неудобными и тяжелыми.

– Топором, – говорил Овейн, – ты никогда не сможешь отбить удар врага, а оружие, которое не защищает, никуда не годится.

Жрецы саксов здорово отличались от наших святых людей, ибо эти иноземные колдуны обряжались в шкуры животных и натирали волосы коровьим навозом так, что, высыхая, они торчали на голове иглами во все стороны. На наших глазах один из таких жрецов принес в жертву козла, желая выяснить, стоит ли им с нами драться. Сначала жрец сломал заднюю ногу бедному животному, потом ударил его в спину ножом и отпустил бежать окровавленного с волочащейся ногой. Животное, шатаясь, истекая кровью, с душераздирающим криком тащилось вдоль боевой линии саксов, затем повернулось в нашу сторону и замертво рухнуло на траву, что, очевидно, было дурным предзнаменованием, потому что линия вражеских щитов вдруг дрогнула и саксы быстро отступили за недостроенную ограду. В спешке подхватив женщин, детей и рабов, погоняя перед собой стадо свиней и коров, они скрылись за деревьями. Мы посчитали это своей победой, съели козла и снесли их частокол. Однако никакой добычи не оказалось.

Нас уже начал преследовать голод, потому что безмозглые и нетерпеливые ополченцы в первые же несколько дней съели весь запас еды и теперь питались лишь лесными орехами. Без провизии не оставалось ничего другого, как возвращаться назад. Голодные ополченцы, страстно желавшие поскорей оказаться дома, шли впереди, а мы, воины, лениво тащились следом, здорово отставая. Гриффид, возвращавшийся без золота и рабов, был мрачен, хотя, говоря по совести, такая же судьба уготована была любому военному отряду, рыскавшему вслепую по ничейным землям. Но когда мы почти уже вышли к знакомым местам, нам повстречался отряд саксов, возвращавшихся по другой дороге. Они, должно быть, наткнулись на наше ушедшее вперед ополчение, потому что были нагружены захваченным оружием и гнали с собой пленных женщин.

Встреча была неожиданной для обеих сторон. Я находился в хвосте колонны Гриффиды и ничего не видел, я лишь услышал шум начавшейся битвы, когда наш авангард вышел из-за деревьев и обнаружил полдюжины саксов, переходивших реку. Наши люди не мешкая ринулись на них. Подоспевшие копьеносцы напали на растерянных саксов с двух сторон. На этот раз не было никакой стены щитов, а просто на самом мелководье затеялась беспорядочная кровавая драка. И вновь, как в тот день, когда я убил своего первого врага в лесах к югу от Инис-Видрина, меня обуюла радость битвы. Это было, полагал я, сравнимо лишь с тем чувством, которое испытывала Нимуэ, когда боги посещали ее. «Как будто у тебя вырастают крылья и несут к блаженству», – как-то призналась она. Именно это я и ощущал тем осенним утром. С копьем наперевес я настиг своего первого в этом бою сакса и, видя его налитые страхом глаза, знал, что он уже мертв. Копье молниеносно вонзилось ему в живот, а я выхватил меч Хьюэла, который теперь называл «Хьюэлбейн» – «возмездие Хьюэла», и прикончил врага ударом в бок. Затем я вошел в реку и убил еще двоих. Я дико, словно злой дух, вопил на языке саксов, вызывая их приблизиться и найти свою смерть, и на мой призыв вдруг откликнулся огромный воин. Он набросился на меня, размахивая страшным топором. Но его топор был настолько тяжел, что, замахнувшись им, уже нельзя было остановить движение руки, и я, легко увернувшись, уложил громилу на спину прямым ударом, который наверняка порадовал бы Овейна. Только у этого махавшего топором воина я взял три золотых торквеса, четыре броши и нож, украшенный драгоценными камнями. Топор я тоже прихватил, чтобы после сделать из него вожделенные боевые кольца.

Саксы бежали, оставив восемь мертвецов и столько же раненых. Я убил не меньше четырех – подвиг, не оставшийся незамеченным. В этот день я наслаждался уважением моих спутников, но позднее, став старше и мудрее, понял, что лишь глупость молодости могла толкнуть меня на столь рискованный подвиг, ибо туда, куда молодой понесется сломя голову, мудрый отправится ровным шагом. Мы потеряли троих, и одним из них был Ликат, спасший мне жизнь на торфянике. Я выдернул копье из тела первого поверженного мною сакса, прихватил еще два серебряных торквеса у тех, которых убил в реке, а затем спокойно смотрел, как раненые враги

один за другим отправляются в иной мир, где они должны были стать рабами наших умерших бойцов. За деревьями мы обнаружили шестерых пленных бритток – женщин, сопровождавших наших ополченцев на войну и захваченных в плен саксами. Одна из этих женщин обнаружила в прибрежном куманике единственного уцелевшего вражеского воина. Увидев его, она закричала и хотела ударить ножом, но он проворно отполз в реку, где я и схватил его. Это был безбородый юнец, примерно моих лет, он весь дрожал от страха.

– Как тебя зовут? – спросил я, приставив ему к горлу окровавленный наконечник своего копья.

Он так и сидел в воде, не смея шевельнуться.

– Вленка, – ответил сакс, а затем рассказал мне, что попал в Британию всего лишь несколько недель назад, но вразумительно объяснить, откуда он явился, парень не смог, а лишь твердил, что пришел из дома. Его язык чуть отличался от моего, но разница была настолько невелика, что я все понимал. Король его народа, сказал этот сакс, был великим военачальником и звался Кердиком. Он сумел взять земли на южном берегу Британии. Кердик, толковал парень, собирался основать новую колонию, а для этого ему нужно было побить Эска, короля саксов, который теперь правил землями Кентиша. И тут я впервые понял, что саксы воюют между собой, прямо как и мы, бритты. Кажется, тот самый Кердик выиграл войну против Эска и теперь сунулся в Думнонию.

Женщина, обнаружившая Вленку, сидела поблизости на корточках и смотрела на него с ненавистью и угрожающе шипела, но остальные женщины заявили, что Вленка не участвовал в изнасиловании пленниц. Гриффид, обрадовавшись, что привезет домой хоть какую-нибудь добычу, даровал Вленке жизнь. Его раздели догола и под охраной женщин отправили на запад в рабство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.